Г. ТУШКАН

ОХОТНИКИ ЗА ФАУ

ВЕЧЕ

Георгий Павлович Тушкан

Охотники за ФАУ

Серия «Новая библиотека приключений и научной фантастики»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38626407
Охотники за ФАУ: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4484-7598-6

Аннотация

Роман «Охотники за ФАУ» – это увлекательный, живой рассказ о буднях фронтовой разведки. У группы старшего лейтенанта Баженова особенная «специализация»: сбор и проверка оперативной информации обо всех военных новинках противника, будь то новый автоматический карабин, ручной гранатомет или… секретный завод по производству «оружия возмездия».

Содержание

Глава первая. Оперативный дежурный 6
1 6
2 12
3 19
4 23
5 26
6 29
7 34
8 37
9 40
10 45
11 50
12 54
13 57
14 63
15 68
16 71
Глава вторая. Первое боевое задание 73
1 73
2 80
3 85
4 88
5 94

6 98
7 105
8 109
9 114
10 119
11 123
12 128
13 133
14 139
15 142
16 147
17 151
18 155
19 159
20 161
21 164
22 166
23 169
Конец ознакомительного фрагмента. 170

Георгий Павлович Тушкан

Охотники за ФАУ

© ООО «Издательство «Вече», 2015
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018
Сайт издательства www.veche.ru

Глава первая.
Оперативный дежурный

1

Село спит. Сентябрьская ночь. Упругий порывистый ветер кружит над полями, мечется по садам и улицам, швыряет сухие листья в слепые окна, завывает в трубах и проводах, обламывает сучья с одиноких тополей.

Косматые плотные тучи с востока низко несутся над землей. В них отражаются огни земли: багровые зарева пожаров, частые вспышки далеких орудийных и минометных залпов. По огням заметно, как быстро перемещается линия фронта на запад, к Днепру.

Спит село. И вдруг завывание ветра тонет в нарастающем свисте авиабомб. Взметнулся к небу вихрь огня.

Взрывная волна сдула соломенную крышу, обнажила голые ребра стропил, рванула штукатурку со стен, сорвала дверь, швырнула ее о стену и повалила часового в коридоре.

Рассыпалось стекло, и взлетела плащ-палатка, затемнявшая окно изнутри.

В метущемся свете маленькой голой лампочки, закачавшейся на проводе, взвилась над столом стайка бумаг. Невы-

сокого молодого майора, вскочившего со стула, облепила белым саваном простыня карты-двухверстки. Свет заморгал. Наступила тьма.

Через разбитое окно в комнату врывался холодный ветер.

Бумаги ползли по полу, шелестели и жались к стене, на которой мелькали огненные зайчики. Доносился треск горящей соломы и бревен.

Молодой майор наклонился над столом, чтобы водворить на место облепившую его карту. Правый ее край он прижал телефоном, левый – пистолетом, посреди положил набитую бумагами папку. Под порывами ветра карта шевелилась, документы летали по комнате. Майор подхватил плащ-палатку, с которой со звоном посыпались осколки, и завесил окно. Плащ-палатка хлопала, как парус. Майор посветил электрическим фонариком, достал из угла гильзу от зенитного снаряда и зажег зажатый в ее горловине фитиль.

Он поднял с пола шифрованные телеграммы, боевые донесения, оперативные сводки и только после этого, стряхнув с плеч пыль и крошки мела, поднял и надел фуражку. Еще минута, и комната оперативного дежурного по штабу армии, которой командовал генерал-майор Королев Николай Иванович, приняла почти прежний вид.

Майор подхватил свисавшую со стола телефонную трубку и спокойно проговорил:

– Сысоев слушает. Продолжай докладывать обстановку.

Трубка молчала. Майор подул в нее раз, второй. Ни отве-

та, ни привычного живого шороха.

– Бекетов! – крикнул майор через плечо.

Часовой за дверью не отозвался.

– Бекетов! – еще громче крикнул майор, нетерпеливо раскрывая кодовую таблицу и подвигая к себе телеграмму, заполненную рядами цифр.

Часовой не появлялся.

Майор сунул пистолет в кобуру и вышел в сени.

Рослый боец оказался не слева у двери, как ожидал Сысоев, а справа, в конце коридора. С автоматом на шее, освещенный заревом пожара, Бекетов казался окровавленным. Он стоял, опустив голову, хлопал ладонями по ушам и громко, будто рубил дрова, выкрикивал:

– Гу-гу-гу!

– В ансамбль песни и пляски собираешься?

Автоматчик продолжал гукать. Майор подошел, сильно тряхнул его за плечи и прокричал ему в ухо:

– Слышишь меня?

– А? Вроде слышу, товарищ майор. В ушах будто в железном котле: клепки заклепывают…

– Ранило?

– Вроде бы целый. А слышу-то – как с того света!

– Беги к связистам. Чтоб на этом свете у меня через десять минут была телефонная связь и электричество! Наружного часового оставь за себя. Повтори!

Когда Бекетов докричал свой ответ: «Мацепуру оставить

за себя!» – у наружных дверей послышался хриплый голос:

– Я тут, товарищ майор.

Невысокий, широкий в плечах, пожилой автоматчик говорил степенно, стряхивая с себя песок.

Из дверей, ведущих во вторую половину дома, выглянула заспанная физиономия лейтенанта Винникова:

– В чем дело, Сысоев?

– Дело в капризе взрывной волны. Спи.

Дверь захлопнулась. К разбитому окну Сысоев и автоматчик привалили снаружи кусок дощатой стены от разваленного сарайчика.

– А тебя, Мацепура, не задело? – спросил Сысоев.

– Шостый раз чертов фашист кидает бомбу прямо в мене – и все мимо. Судьба! Фахт.

– Я было поверил, что Мацепура не боится ни огня, ни воды, ни черного болота, а ты, оказывается, каждую авиабомбу своей считаешь. К разбитому окну никого не подпускай.

Сысоев вошел в коридор.

– Один момент, товарищ майор.

Сысоев по голосу понял, что автоматчик хочет сказать что-то важное, остановился.

– Как Бекетов вернется, мы ваше окно организуем. Вы извините, только я вам хотел про себя такое сказать: я не новобранец, чтобы пугаться. За германскую войну имею два георгиевских креста и за эту – два ордена Славы, и сюда из госпиталя меня направили только потому, что я уже немоло-

дой. Внуков имею, а на войну пошел добровольцем. Фахт!

– Все?

– Нет, не все. Обратите внимание: почему фриц бросает бомбы только на то село, где мы расквартировываемся?

– Ну, это тебе так кажется.

– Никак нет! Вчора и позавчора, – перешел Мацепура на украинский, – колы мы розквартирувалысь в Новиньках, бомбы тильке-тильке в нас не попалы – фахт!

– А ведь верно, упали метрах в шестидесяти – ста, – согласился Сысоев.

– А я шо кажу? А поза-позавчора? Итак усю нэдилю… Нам, наружным часовым, усе выдать. И нема того, шоб целить у столовку Военторга, к примеру, а усе норовыть попасты або в нашу хату, дэ оперативный дежурный и секретна часть, або в хаты, дэ расквартирован командующий, члены военного совета, начштаба, – фахт!

– Доложи коменданту и сам следи внимательно, может, и выследишь, кто наводит.

– Золоты слова, товарищ майор. Я и кажу, что нэ може бомбардировщик тэмной ночью, без ориентира, прилететь точно до цели.

– Вот и доложи коменданту.

– Докладывали. Сэрдиться. Везде бомбят, говорить, приказую, говорить, без паники. Приказа, што ли, не знаете – задерживать усих посторонних, што пыдходять до объехту. Почему, спрашувает, не задержали, колы видели наводчика?

А мы его не бачили.

Сысоев направился в хату, но часовой снова остановил его:

– Извините, товарищ майор, у мэне до вас е вопрос.

– Говори скорее!

– Промеж нас пройшла чутка, шо у хрицев бувают таки рубашки из стали, шо их пуля не берэ. И что у хрицев з такими стальными рубашками е накыдка-невидимка. Одэнь таку накыдку – и нэ видать тебя, бо станешь прозрачным. Вы спец по таким делам, от мы и интересуемся.

– Чепуха. Нет таких накидок и плащей, чтобы делали человека невидимым. Есть маскировочные костюмы и халаты, плащ-палатки такого типа, как на тебе. Что касается пуленепробиваемых, бронированных жилетов, то у гитлеровцев испытывали опытные образцы еще в начале войны. Оказалось, что такой бронежилет не только пробивается бронебойной пулей, но пуля загоняет в тело еще и кусок брони, в которую ударила. Одним словом – ловите наводчика.

– А колы нихто у сели не подае свитовых сигналив, то чи може бомбардировщик сам, тэмной ночью, выйти точно на цель?

– Наводчик находится поблизости – радирует, куда лететь.

– Шоб хриц, та вызывал бомбы на себя? Не чув я такого. И бомбы, я же кажу, падають не просто на село, а там, де мы.

– Да… странно. Поинтересуюсь…

– Потому и доложил.

2

Из небольшой хаты стремительно выбежала молодая женщина в белом:

– Ой, рятуйте, люди добри! – крикнула она и, увидев двух военных, направилась к ним.

– Стой! – Мацепура вскинул автомат. Женщина испуганно остановилась. Что-то в ее облике показалось майору знакомым. Он шагнул навстречу. Давно уже он разыскивал свою жену. Организации, куда он обращался за справками об эвакуированных с Украины, неизменно отвечали ему, что не располагают сведениями о местонахождении Елены Сысоевой и ее сына Владимира. Может, они переехали и теперь где-нибудь далеко на Урале или в Средней Азии ждут от него вестей… А вдруг немцы угнали семью в Германию? Или… самое страшное… Об этом Сысоев старался не думать; ему мерещилась Леля в каждой мало-мальски похожей на нее женщине, сын – в каждом мальчишке его возраста.

Колеблющийся красноватый отсвет пожара потемнел и погас. Над пепелищем еще вздымались клубы дыма, оттуда доносились возбужденные голоса.

Сысоев осветил женщину электрическим фонариком. Ослепленная лучом, она прикрыла глаза рукой и тревожно спросила:

– Ой, кто вы?

Майор подошел вплотную, отвел ее руки от лица. Женщина была ему незнакома.

– Свет! – донесся сердитый окрик с улицы. Подбежал боец, разочарованно протянул: – Май-ор! – и пошел обратно.

Сысоев выключил свой фонарик и вздохнул.

– Тикаты, чи що? – спросила женщина, не открывая глаз.

– Вы местная?

– Это Катруся, хозяйкина дочка, – пояснил Мацепура и добавил: – Никуда тикаты не треба. Иди спи. Фашист не вернется.

– А ну забожитеся, що фашисты не вернутся.

Мацепура ожидал, что майор ответит женщине, но тот молча вернулся в хату. Ничего особенного вокруг не происходило. Шли будни войны.

– Ей-бо, пресь, ей-бо, фашист не вернется, Катрусенька, – весело подтвердил Мацепура и добавил: – А стоять здесь не положено. Иди до хаты, а то в одной рубашке застудишься.

…Сысоев сел за стол, обхватил руками голову и замер. Электричество уже горело, окно завешено. Он уставился в одну точку оперативной карты. Очеретяное – так называлась эта точка, небольшое село на берегу озера.

В Очеретяное, к родным жены, он привез их, Лелю с Владиком, пятилетним сыном. Туда приехала погостить и его мать. Отпуск кончился за две недели до начала войны; он, тогда еще лейтенант, вернулся в свою часть, на Буг. С тех пор Сысоев ничего не слышал о своих. От сестры, жившей

в Горьком, он получил последнее письмо жены, посланное из Очеретяного за три дня до оккупации. Леля и мать очень беспокоились – «что с Петей», спрашивали, что им делать, но тут же писали, что фашистов, «как нам сказали компетентные люди», на левобережье не допустят. С тех пор прошло почти три года. Больше известий не было.

Воевал Сысоев на Буге, был ранен. После госпиталя сражался под Вязьмой, снова был ранен. Опять после госпиталя воевал под Новгородом. Был он и под Воронежем…

Сейчас войска, в которых сражался Сысоев, наступали в направлении села Очеретяное, расположенного в двадцати семи километрах от Днепра.

Сысоев знал, что фашисты оправдывали свои неудачи «теориями» «сезонной стратегии», «эластичной обороны», слышал о приказе Гитлера – создать восточный вал на правом берегу Днепра, чтобы отсидеться за ним до весны, а летом снова начать наступление.

А о новом приказе Гитлера он узнал только три дня назад: все лица мужского пола в возрасте от десяти до шестидесяти лет должны были эвакуироваться на правобережье. Тем, кто останется на левом берегу, угрожал расстрел за связь с партизанами.

Прошлой ночью уже были получены новые сведения. Фашисты начали сжигать деревни, уничтожать все живое на своем пути. Село Очеретяное входило в создаваемую ими зону пустыни – шестидесятикилометровую полосу вдоль ле-

вого берега Днепра.

Сысоев нетерпеливо подул в трубку. Телефон молчал. Через тридцать минут надо будет послать автоматчика разбудить информатора. К 6.00 информатор – капитан Степцов – должен составить и отправить срочное[1] боевое донесение в штаб фронта о противнике, боевых действиях и положении войск армии. По двум стрелковым правофланговым дивизиям есть лишь сведения на 21.00 вчерашнего дня. «Направленец» – майор Веселов, офицер оперотдела, находившийся при штабе правофлангового корпуса, в который входила эта дивизия, отвечал по телефону одно и то же: «Связи с двумя хозяйствами внизу еще нет. Уточняю».

Связаться по радио тоже не удавалось. Посыльные не приезжали, и все это злило Сысоева. Он не надеялся на капитана Белых, медлительного, нерасторопного и вечно сонного, хотя и храброго офицера, находившегося в дивизии Ладонщикова; но Курилко, его помощник Курилко, такой инициативный, энергичный! Этот должен бы из ада прислать донесение. Проспал? Невозможно это представить. За год совместной работы они узнали друг друга отлично. Курилко – исполнительный, внимательный человек. Кроме того, они друзья. Курилко отправили в дивизию, наступающую в направлении Очеретяного. Он еще обещал сразу же сообщить Сы-

---

[1] Срочными называются донесения, передаваемые в определенные сроки, то есть в заранее обусловленные между передающей и принимающей сторонами часы суток.

соеву о его семье…

Молчание Курилко было тем более странным, что Сысоев поручил ему сразу же по прибытии в дивизию уточнить кое-какие важные сведения у пленного фашиста из разведгруппы «Олень», проводившей глубокую разведку в нашем тылу. Из-за отсутствия этих данных Сысоев не посылал в штаб фронта папку с важными документами и материалами. Эта папка сейчас лежала на столе, перед ним. Некоторые совершенно секретные материалы из этой папки он дал Курилко для уточнения на месте.

Дверь отворилась, и в комнату вошел капитан Степцов – информатор. Наполовину цыган, наполовину кубанский казак, был он высок, строен, очень красив. Не одна девушка заглядывалась на его огромные черные глаза, длинные ресницы и тонкие брови вразлет.

Сысоеву нравилась подтянутость Степцова. Капитан был всегда чисто выбрит, всегда с белоснежным подворотничком и всегда в начищенных до блеска сапогах. Казалось, что Степцов только что от портного – таким выглаженным, чистым и пригнанным по фигуре был его военный костюм. Он был всегда бодр, очень доброжелателен, весел и общителен. Майор симпатизировал Степцову, но его слегка коробило ухарство капитана, безрассудная смелость, вспыльчивость, самоуверенность и беспечность. Несколько времени тому назад Степцов, ранее работавший в штабе дивизии, за какую-то провинность был понижен в звании. Затем он от-

личился, был ранен, попал на курсы «Выстрел», потом в резерв армии, а оттуда как талантливый рисовальщик был взят на временную работу в отдел, и здесь остался. Пером и тушью Степцов владел мастерски. Картами Степцова гордился начштаба. К тому же Степцов умел прямо с оперативной карты диктовать машинистке боевые донесения и оперативные сводки, правильно оценивая и комментируя обстановку. Эти его информации почти не требовали исправлений.

Войдя, Степцов громко зевнул и потянулся.

– Бомба разбудила, – ответил он на вопросительный взгляд Сысоева и спросил: – Сильная бомбежка была?

– Одиночный самолет.

– Опять одиночный?! А ведь это уже не первый раз…

– Вот это и наводит на серьезные размышления. Часовые тоже заметили, что это не случай, а система.

– Наводчик?

– Безусловно!

Степцов вынул из планшета карту, красный, синий и черный карандаши и склонился над оперативной картой, чтобы дополнить свою. Сысоев, сам умевший отлично чертить, с завистью взглянул на его работу.

– Группировка противника та же, – подсказал Сысоев. – Перед фронтом армии – семьдесят вторая и пятьдесят седьмая пехотные дивизии и танковая дивизия СС «Викинг». О пленных из этих дивизий сообщишь в оперативной сводке в девять ноль-ноль. Наши войска, успешно преодолевая со-

противление противника, вышли… куда? На правом фланге это пока не ясно. От правофланговой дивизии Бутейко и соседней с ней дивизии Ладонщикова еще нет данных, а дальше отмечай.

– Опять мне, да и тебе влетит от начштаба за «ничего-незнайство»!

– Пока наноси то, что есть.

3

Автоматчик Бекетов заглянул в комнату и спросил разрешения впустить связиста. Вошел молоденький сержант, протянул две телеграммы и регистрационную тетрадь.

Сысоев начал расшифровывать первую телеграмму.

Веселов из штаба правофлангового корпуса сообщал новые координаты. Обе дивизии на правом фланге продвинулись на двенадцать – пятнадцать километров. Были освобождены двадцать два села, в плен взято сто шестьдесят восемь фашистов и трофеи: два танка, пять бронетранспортеров, орудия, автоматы…

Сысоев измерил расстояние от наших войск до села Очеретяное. Оставался шестьдесят один километр.

Еще три-четыре дня наступления, подумал он, засмеялся, дружески хлопнул Степцова по плечу и озорно крикнул:

– Танцуй!

– А что, снова мне мешок писем?

– Никаких писем.

– Ну и потеха: «Люблю до гроба», «Почему не отвечаешь?», «Неужели забыл нашу любовь?». И до чего же девчата падки на обходительность и лирику! Шоколадом не корми.

– Ну и пошляк же ты, Степцов! Нашел время разбивать девичьи сердца!

– Чего ты взъерепенился?

– Да вот не терплю пошлости, что прикажешь делать!

Блестящие черные глаза Степцова уставились в грудь Сысоеву. Степцов слегка вращал глазами, и Сысоев ощутил странное состояние безволия.

– Блажишь! – рассердился Сысоев.

Степцов неприятно засмеялся и сказал:

– Я ведь не виноват, что девки за мной как очумелые ходят. – Голос у Степцова был удивительно мелодичен.

– «Квадрате И-31», – громко прочел Сысоев расшифрованные цифры на второй телеграмме. – Ищи на карте.

Степцов провел пальцами по клеткам:

– Это в расположении противника, впереди частей Бутейко…

– «Упал сбитый ПО-2 номер 12 тчк».

– Черт! Это же сбили Хайрулина из нашей штабной эскадрильи! Ну и что там дальше?

– «Летчик Хайрулин убит зпт захоронен тчк».

– Гады. Такого парня… Бог, а не летчик!

– Отличный летчик! – отозвался Сысоев. – А как ему попадало от командира эскадрильи за то, что он любил «шутки шутить». Это его умение спасло и ему и мне жизнь, когда мессер загнал нас в лес… Дальше. «Капитан Курилко ранен зпт отравлен ОВ[2] тчк Тяжелом состоянии эвакуирован полевой госпиталь 1245».

– Что? Нашего «Жив Курилка» тоже сбили? ОВ? Ну, зна-

[2] ОВ – отравляющие вещества.

ешь… Ты что-то напутал. Откуда ядовитые газы?

– Все точно, – раздраженно ответил Сысоев. Он был лишен сентиментальности штатских. На войне, как на войне. Обычно Сысоев со снисходительным презрением кадрового офицера относился к раненым, как к людям, которые в результате собственной неумелости допустили, чтобы их ранило: кроме случаев, когда воины вызывали огонь на себя или когда это было явно неизбежно. Но в данном случае он не осуждал Курилко, так как не понимал, почему Курилко очутился в самолете, где и как применялись ОВ.

Сысоев разозлился. Будь это на передовой, эта ярость дорого бы стоила противнику, а сейчас? Ну что он может сделать?

Ничего… И это раздражало. Сысоев еще и еще раз проверил сообщение по кодовой таблице. Речь шла именно о Курилко и об ОВ, отравляющем веществе, ядовитом газе.

– Значит, фашисты все-таки рискнули применить ОВ! – пробормотал Степцов. Он был совершенно обескуражен. – Это же сверхчерезвычайное происшествие. Почему ж только сейчас сообщают?!

– Сам не могу понять… «Документы и бумаги Курилко направляем вам мотоциклистом», – читал Сысоев дальше. – «Положение наших частей на 5.30…» – Называлось еще пять занятых сел. Они-то и оказались в квадрате И-31. В телеграмме перечислялись новые трофеи, захваченные склады.

– Скорее же запрашивай об ОВ, – напомнил Степцов. Он

попробовал позвонить, но телефон не работал.

Сысоев вызвал Бекетова и послал с ним закодированную телеграмму на узел связи.

– Мне пора, – заторопился Степцов. – Иду диктовать машинистке.

– Подожди сообщать об ОВ. А вдруг ошибка при кодировании.

Сысоеву было о чем подумать – единственный помощник его, к тому же и талантливый офицер, вышел из строя. И таким неожиданным образом!

Сообщение о применении ОВ требовало не только самой срочной, но и самой точной проверки.

4

Послышалась стрельба.

– Бекетов! – крикнул Сысоев.

Автоматчик вошел.

– В каком месте стреляют?

– За деревней на ферме, где узел связи.

– Ну, я побежал. Почти шесть часов. – Степцов ушел. Зазвонил телефон.

– Десятый слушает!

– Товарищ десятый, связь восстановлена, – послышался женский голос.

– Давайте сначала двадцать пятый.

– Комендант Кулебякин слушает.

– Сто раз просил без фамилий, есть код, вы – двадцать пятый! Срочно выясните и доложите результаты бомбежки. И что это за автоматная стрельба в нашем расположении?

– Одна двухсотпятидесятка упала возле дома, отведенного для шестого. Пожар потушили. Шестого дома не оказалось. Ранен часовой. Остальные три бомбы существенного вреда не нанесли. Одна попала в сарай. Одну минутку… одну минутку…

Сысоев ждал.

– Мои автоматчики, – докладывал комендант, – привели двух в штатском, третий, докладывают, убит при попытке к

бегству. Эти тоже бежали, их задержали…

– А кто такие? Обнаружены ли у них электрические фонари? Может, наводчики?

– Прерываю, вызывает седьмой, – включилась телефонистка.

– Сысоев? – раздался голос начальника штаба.

– Десятый слушает.

– Что за стрельба?

– Автоматчики двадцать пятого задержали в районе узла связи двух штатских. Третий убит при попытке к бегству. Бомба упала возле дома, предназначенного для шестого.

– Это знаю. Составил ли Степцов донесение по последним данным?

– Да. Есть ЧП. Прикажете зайти и доложить?

– Докладывай так.

Сысоев рассказал о сбитом ПО-2 и об отравлении Курилко ОВ.

– ОВ? Я правильно тебя понял? Не путаешь?

– Так сказано в телеграмме тридцать первого из «Чайки».

– Может, напутали? Срочно вызови разведчиков, химиков, уточните, и тогда доложи мне. Я у двенадцатого[3]. Задержанных передай Северцеву.

Сысоев по телефону попросил срочно направить к нему майора Андронидзе из разведотдела, капитана Пономарева из химотдела, записал о происшествии в журнале боевых до-

[3] В данном случае – у командующего.

несений.

После короткого раздумья он позвонил майору Веселову в штаб Бутейко и узнал дополнительно, что самолет ПО-2, номер двенадцатый, на котором Веселов прилетел в штаб корпуса, был послан за Курилко, чтобы доставить последнего в штаб. Химики корпуса и дивизии уточняют, и, как только уточнят, Веселов позвонит Сысоеву.

Захлопали зенитки. С пункта сообщили о фашистском самолете-разведчике «Раме», кружащемся над селом.

5

В комнату заглянул часовой и доложил: ждет комендант с двумя задержанными. Ждут офицеры.

– Зови коменданта. – Сысоев прикрыл оперативную карту. Другие офицеры так не засекречивали обстановку от своих, но Сысоев строго выполнял приказ.

Вошел комендант, немолодой капитан из кадровиков. Сысоев знал его как старательного, но ограниченного службиста, ходячую букву устава. Доложив по-уставному, комендант вдруг сказал:

– Зенитчики опять не сбили «Раму», а ястребок так и не явился. Теперь «Рама» точно явится через час. Вы бы позвонили нашим ВВС, пусть покажут свое мастерство.

– Позвоню. Долго шли, капитан. Что за люди?

– Окликнули их возле узла связи, что на ферме, за селом. Они – бежать. Часовой открыл огонь.

– Что за люди?

– Называют себя селянами. Говорят, прятались в лесах от немцев.

– Электрические фонарики обнаружили?

– Не обнаружил.

– Введите!

Автоматчик ввел двоих. Оба молодые, лет двадцати пяти – двадцати семи. Одеты в пальто, сапоги немецкие, с низ-

кими голенищами.

Сысоев начал допрашивать.

– Та мы свои, – сказал тот, что ростом пониже. – Прятались от проклятущих фашистов в лесу, чтобы в Германию на работу не угнали. Топаем домой! – он весело улыбнулся.

– Куда именно?

– В Хорол на Полтавщине.

– А почему бежали?

– А мы испугались, подумали, что на немцев нарвались, – сказал второй, и хотя глядел в глаза прямо, Сысоев увидел в его взгляде что-то затаенное, настороженное, даже враждебное.

– Отведите их к Северцеву, – приказал Сысоев и поднял телефонную трубку.

– А я ему уже доложил, сейчас сюда придет, – сказал комендант.

– Обыскивали? – спросил Сысоев, у которого исчез интерес к задержанным штатским.

– Обыскали. Никакого оружия нет! – ответил комендант.

– И ножей нет? – удивился Сысоев.

– Нож есть, – процедил задержанный с настороженным взглядом.

– Почему не отдал?

– Не спросили. Сами вывернули карманы, что нашли нужным взять – взяли. – Он не спеша расстегнул пальто, задрал полу пиджака. Сысоеву показалось, что мелькнуло что-

то серо-зеленое. Задержанный подал финку и начал застегиваться. Сысоев положил финку на стол, подошел, распахнул его пальто, расстегнул пиджак. Под ним был серо-зеленый френч. Цвет гитлеровского обмундирования был ненавистен Сысоеву. Он стрелял в этот цвет, а люди в одежде этого цвета стреляли в него.

– Любопытно! – раздался глуховатый голос. Рядом стоял и многозначительно улыбался невысокий полный майор Северцев.

– Гражданин майор! – задержанный с добродушным лицом укоризненно улыбался. – Да если б мы служили у фашистов, неужели бы такими дураками были, чтоб не бросить проклятую одежду! Ведь каждый, кто увидит мундир, подумает про нас плохо. Обносились, вот и сняли это с убитых фашистов.

– Бывает, бывает, – снисходительно согласился майор Северцев. – Разрешите увести их к себе?

– Прошу, – ответил Сысоев.

6

– Полные сени людей, и все к вам, – как и прежде, громче, чем нужно, сказал вошедший Бекетов.

– Пропусти майора Андронидзе и капитана Пономарева.

– По вашему приказанию поднят по боевой тревоге и явился! – капитан Пономарев коснулся растопыренными пальцами фуражки, будто смахнул муху, поправил очки и уставился на Сысоева. Он казался сугубо штатским, только вчера по ошибке надевшим шинель. Действительно, совсем недавно он еще был учителем химии в тюменской школе. Военная форма сидела на нем неуклюже, и от него веяло чем-то домашним, мирным, нестроевым. Но он был чрезвычайно старательным, на его знания можно было положиться.

– В чем дело, дорогой? – улыбаясь, спросил майор Андронидзе, грузин со смуглым лицом и темным «бархатным» взглядом. Он производил впечатление очень сильного, очень уверенного в себе человека. Превосходный спортсмен, обучавший боевым приемам самбо не только разведчиков, но и офицеров штаба, он, похоже, слегка кокетничал своими пластичными жестами, мягкой тигриной походкой, легкостью и своеобразным изяществом.

– Понимаешь, иду, смотрю и вижу – идет красавица Марина, – с восточным акцентом говорил Андронидзе, – а наш Вано Пономарев превратился в каменную скульптуру. Я спра-

шиваю тебя, Вано, неужели так реагирует химик, когда видит красавицу?

– Я женат, и женщины меня не интересуют. Просто остановился протереть очки.

– Понимаешь, Петер, увидел Вано красавицу – глаза запотели. Забыл наш Паганель, как сам учил нас, что окуляры против запотевания надо протирать особым карандашиком.

Пономарев обиделся:

– Во-первых, я капитан Пономарев, а не Вано и не Паганель, это раз; во-вторых, я прибыл сюда не шутки шутить, а по боевой тревоге, это два… В-третьих…

– В-третьих, не кричи так. Кто не понимает шутки, тот не человек, а полчеловека. Слышишь, Петер, Вано пришел сюда не шутки шутить, а по боевой тревоге. Не томи полчеловека!

Пономарев дрожащей рукой поправил очки, покраснел от гнева.

– Мой долг… – начал он, но Сысоев, прервав его, рассказал об аварии самолета, о том, что Курилко отравлен ОВ, и спросил, знают ли они об этом ЧП.

– Ничего не знаю! – сказал Андронидзе.

– Я тоже не получал такого донесения, – ответил Пономарев. – Немедленно выеду или вылечу на место и уточню.

– Подождем донесения от Веселова, а после решим, как поступить дальше, – остановил его Сысоев. – Если бы это не был частный случай, то мы бы уже знали. А пока уточним,

что нам по этому вопросу известно. Майор Андронидзе, я слушаю вас!

Сысоев всегда и всем офицерам говорил «вы», даже если к нему обращались на «ты». Он был очень ровен в обращении с офицерами и с бойцами. Его выдержке завидовали многие офицеры. И сейчас, несмотря на то, что последние три дня его мысли все время возвращались к семье, он ничем не выдавал своего беспокойства.

Андронидзе раскрыл папку и, просматривая донесения, начал:

– Мы вчера захватили у противника автоматические десятизарядные винтовки выпуска этого года. Это раз, как говорит мой друг Вано. Интересно?

– Интересно. Пришлите мне одну с патронами.

– Новых типов танков противника не обнаружено. Саперы действуют, как пехота. Не хватает живой силы. Это два, как сказал бы мой друг Вано. И теперь третье, самое интересное: разведчики перед фронтом армии обнаружили совершенно новые специальные батареи десятиствольных минометов калибра сто пятьдесят восемь. Интересно? Нет, ты скажи, Петер, интересно?

– Очень важно! Продолжай. – Сысоев записывал.

– Наша химразведка это подтверждает, – вставил Пономарев и протер очки.

– Ваши химразведчики узнали об этом от наших. А потом наши привели «языка», и тот это подтвердил. Я продол-

жаю. В боекомплекте этой батареи есть мины реактивные и со сжатым воздухом, и эти батареи, калибра сто пятьдесят восемь, поступили на вооружение химчастей противника. Я правильно сказал, Вано?

– Противник, – начал Пономарев, – как я уже докладывал, усиливает химподготовку своих войск. Дегазацию прошли все части, находящиеся перед фронтом нашей армии. Это подтверждается.

Пономарев просматривал протоколы допроса пленных.

– Возможно, противник на нашем фронте уже начал пробы ОВ, – сказал Андронидзе.

– Сомневаюсь, – возразил капитан Пономарев. – Применение ОВ может быть эффективным только при внезапном и массированном ударе.

– Согласен с вами, капитан, – отозвался Сысоев.

– Противник хорошо знает, – продолжал Пономарев, – что для нас, после некоторых его попыток, применение ОВ уже не может быть внезапным. Если бы случай с Курилко был не единственным, мы бы давно об этом знали.

– А если это проба? – не сдавался Андронидзе.

Сысоев снова позвонил Веселову. Тот обещал ответить через несколько минут: к ним только что прибыл дивизионный химик, и вместе с корпусным они пошли к начштаба для доклада. Туда же направляется и он, Веселов. Но можно считать установленным, что на фронте противник не применял никаких ОВ.

– Подождем еще немного, – сказал Сысоев офицерам и, чтобы не терять времени, приказал Бекетову впустить ожидающих.

7

Особое его внимание привлек старший лейтенант в длинной до пят, широченной шинели. В том, как он, десятиклассник по виду, спросил разрешения войти, чувствовался вышколенный строевик. Движения были четки и точны. Сысоев ознакомился с документами, предписанием и взглянул на старшего лейтенанта:

– Так это вы – Николай Сотник! Рад. Сильно вас ранило?

– Пустяки… Вполне здоров. Но все-таки, если б не помог капитан Першин из артуправления, отдел кадров не вернул бы меня на мою батарею.

– Когда мне капитан Першин как-то сказал, что при организации взаимодействия командиры стрелковых батальонов ссорятся из-за минометной батареи старшего лейтенанта Сотника, настаивают, чтобы именно эта батарея поддерживала их батальон, и даже предпочитают ее двум батареям артиллерии – я, честно говоря, не поверил.

– Правильно сделали. Преувеличивают.

– Не скромничайте. Вы добились снайперской точности и быстроты подавления целей, и все же именно вас, Сотник, я бы воздержался назвать сознательным офицером…

Сотник опешил.

– Где обещанная вами памятка минометчика? – строго продолжал Сысоев.

Сотник облегченно рассмеялся. Но Сысоев даже не улыбнулся:

– Старший лейтенант Сотник, сейчас же отправляйтесь к капитану Першину и доложите ему, что я приказал вам задержаться на сутки и составить памятку командира минометной батареи. Пять-шесть страниц. Схемы. Вместе с Першиным отредактируйте. Начальник отдела боевой подготовки Петрищев издаст ее.

– Товарищ майор, даю слово, что пришлю вам такую памятку из части! Отпустите на батарею!.. Да и о чем писать? Чтобы некоторые командиры дивизионов вели огонь с НП, а не отсиживались в блиндажах? Для этого нужен приказ штаба, а не моя памятка.

– Когда принесете мне памятку со схемами, я верну вам ваше предписание. Срок явки в часть продлю.

– Товарищ майор! Прошу вас…

– Выполняйте, товарищ старший лейтенант.

– Есть выполнять!

Звонил Веселов. Он сообщил, что самолет ПО-2 № 12 врезался в землю винтом, но не сгорел. На месте, где сидел Курилко, обнаружены небольшие картонные цилиндры с маркировкой – желтый крест, синий крест, черный крест… Всего пять штук. Как определили полковой и дивизионный химики, это были корпуса химических гранат с различными ОВ.

Курилко взял их на захваченном нами складе, который

гитлеровцы не успели вывезти. При падении самолета в корпусе одной из гранат образовалась трещина, началась утечка ОВ. Противогаза на Курилко не было. Газовые гранаты привезет Сысоеву мотоциклист – он уже выехал. Других случаев отравления ОВ на фронте не отмечено.

Затем с Сысоевым говорил майор Северцев:

– Оба задержанных сознались в том, что служили полицаями, а последние три месяца учились в фашистской школе для полицейских офицеров, но якобы сбежали домой. Рассказывают охотно о многом, стремясь откровенностью смягчить свою вину. Но оба категорически отрицают, что являлись наводчиками. Не был, по их словам, наводчиком и третий, убитый, хотя они его мало знали. Пожалуй, этому можно верить.

– Ваше дело поймать агентов-наводчиков, – сказал Сысоев. Он хотел продолжать, но телефонистка прервала: майора Сысоева срочно вызывали к командующему.

8

Майор Сысоев шел, стараясь, как положено, держаться у домов, чтобы не привлекать внимания вражеских авиаразведчиков. Он был возмущен: что смотрит комендант? По улице сновали посыльные, офицеры, стояли автомобили, во дворах – незамаскированные штабные автобусы. Многодневное стремительное наступление и частые передислокации штаба ослабили маскировочную бдительность. Чего же тут выискивать наводчиков с фонариками! Кто же не знает, как отчетливо видно все с самолета!

Знакомый шум моторов ПО-2 доносился из-за рощи. Там была база штабных «уточек».

Навстречу Сысоеву, тоже стараясь держаться поближе к домам, шел пожилой, но молодцеватый полковник в пенсне, с коротко подстриженными седыми усами – начальник отдела боевой подготовки. В прошлом поручик царской армии, а потом военспец при красных командирах, вышедший в отставку по инвалидности, он сейчас снова вернулся в строй. Петрищев не только сохранил выправ, но и культивировал особый офицерский лоск. Он был общителен, галантен, подчеркнуто вежлив в обращении с людьми.

По просьбе политотдела полковник Петрищев часто выступал с докладами о стратегии и тактике великих русских полководцев, о суворовском, фрунзенском стиле взаимоот-

ношений командира и солдата. Он был человеком широко образованным и начитанным, его лекции и беседы охотно слушали. Интересно и живо пересказывал он эпизоды из истории войн, вскрывал причины побед и поражений, говорил об офицерских традициях, хороших и плохих. Офицеры часто обращались к Петрищеву с самыми различными вопросами. Он на все умел ответить, всегда давал дельный совет.

Сысоев, увидев Петрищева, заулыбался: конечно же, полковник попытается опередить его, чтобы приветствовать первым. Он помнил правило Петрищева: первым из двух равных по званию здоровается тот, кто вежливее. И с младшими по званию он тоже частенько здоровался первым, подчеркивая этим свое внимание.

– Здравия желаю, Платон Валерианович! – весело сказал Сысоев.

Полковник Петрищев ответил и сразу протянул ему еще не сброшюрованную книгу карманного формата. Этот «Справочник командира» они составляли вместе на основе новых уставов и новейшего военного опыта.

– Только сейчас вручили мне наши газетчики верстку, – сказал Петрищев. – Попрошу еще раз внимательно просмотреть насчет ошибок. Жду вас, Петр Иванович, завтра ко мне, в двадцать два ноль-ноль. Скучная, но все же дата: шестьдесят три года. Надеюсь, вы будете.

– Справочник прокорректирую немедля, – в тон Петрищеву пообещал Сысоев, – и тотчас верну вам. А завтра с удо-

вольствием являюсь поздравить вас. Не круглая дата, но весьма почтенная.

Они снова улыбнулись друг другу, и Сысоев быстро зашагал вперед.

Он немного опаздывал. Командующий замечания не сделает, а вот начальник штаба полковник Коломиец осуждающе подожмет свои тонкие губы, и на его подбородке резко обозначится шрам от давнего ранения.

9

– Товарищ командующий, майор Сысоев по вашему приказанию явился, – доложил адъютант, капитан Орехов.

Дородный командарм кивнул головой. Он сидел в кресле у стола, во всю длину которого была разложена огромная оперативная карта.

Начальник штаба полковник Коломиец ходил по комнате. Увидев Сысоева, он демонстративно вскинул руку с часами к глазам и так сжал свои тонкие губы, что на подбородке резко проступил рубец.

Возле командующего сидел начальник оперативного отдела полковник Орленков, невысокий, смуглый, с пристальным взглядом карих глаз. Опершись на стол локтем левой руки, державшей телефонную трубку, он правой чертил на разложенной карте, что-то сердитое внушая трубке.

– Да что ты его уговариваешь! – выхватил телефонную трубку начальник штаба и сам закричал в нее: – Где Веселов? А почему ты, Белых, не знаешь обстановки? Что? На кой ляд нам такой офицер связи! Что? Да мне какое дело! Передай трубку двадцать девятому! Тихонравов? Отчисляю в твое распоряжение Белых. Что? Помощником. Хоть в оперотделение. Ну, хоть в полк, хоть в роту. Все. И чтоб сведения были мне через десять минут. Оторвались? Спите много… Для этого есть саперы. Нет саперов – научите бойцов,

пусть сами разминируют. Я тоже не знаю, почему взрываются… Подрывайте на месте. «Огурцов» подброшу. «Коробок» не дам, нужны в другом месте. Жду сообщения через восемь минут. Что? Действуйте!

– Я тебя вызвал, – сказал командующий, – по делу особой важности… – Он вынул портсигар, раскрыл его и жестом пригласил присутствующих закурить. Сысоев поблагодарил и отказался. Командующий с наслаждением затянулся папиросой.

– Обнаружилось что-нибудь новое? – спросил он после паузы, пытливо взглянув на Сысоева.

– На вале Геринга противник намеревается использовать десятиствольные минометы калибра сто пятьдесят восемь. На складах противника оказались газовые гранаты с различными ОВ. Капитан Курилко взял образцы и от одного из них случайно пострадал при падении самолета. Что же касается войск противника, то его пехотные и танковые дивизии уже вели бои на этом театре фронта в сорок первом году.

– Это что еще за вал Геринга? – недоверчиво взглянул на Сысоева начальник штаба.

– Так пленные назвали долговременные укрепления противника на западном берегу Днепра.

– А почему я впервые слышу о вале Геринга? – сердито спросил Коломиец, поджимая губы.

– Я не успел доложить, – быстро вставил Сысоев.

– А тебя я не спрашиваю, – оборвал его начальник штаба.

– О системе укреплений противника на западном берегу я уже докладывал, – сказал начальник оперативного отдела, – и схема укрепленной полосы, составленная разведотделом, у вас имеется. Мы ее уточняем.

– А почему не указано, что эти укрепления называются «валом Геринга»?

Полковник Орленков промолчал, и Сысоев мысленно выругал себя за то, что подвел начальника.

– Что же касается десятиствольных минометов, – сказал полковник Орленков, – то я думаю, что противник не посмеет применить химические мины.

Сысоев кивнул головой.

– Новым является то, – продолжал он, – что деревни на восточном берегу Днепра горят не только в результате боевых действий. Серия пожаров вызвана и тем, что противник систематически уничтожает огнем населенные пункты. Кроме того, фашисты угоняют скот и людей и расстреливают всех оставшихся мужчин от десяти до шестидесяти лет и тех женщин, которые их прячут. Они сжигают солому, сено, картошку заливают бензином.

– Я знаю об этом. Твой вывод? – спросил командарм.

– Противник создает тактическую зону пустыни, как предполье перед своим передним краем.

– Зона пустыни! – словно отвечая на какие-то свои мысли, повторил командарм. – Зона пустыни… Ну-ка, Орехов, соедини меня с Бутейко.

Сысоев сразу же представил себе Бутейко. Командир дивизии отличался большими способностями, знаниями, инициативностью. Но порой он несколько увлекался и совершал промахи. О его подвигах говорили много и многое преувеличивали: Бутейко был всеобщим любимцем. В штабе его не оказалось. С командующим разговаривал начальник штаба дивизии; он подтвердил сообщение о зоне пустыни. О положении полков сказал: уточняю.

– Ты что же, Сысоев, не говорил мне о зоне пустыни? – спросил Орленков вполголоса.

– О массовом уничтожении было указано в боевых донесениях и в оперсводке, которую вы носили на подпись.

– Там не было такого названия «Зона пустыни».

– Я его услышал от одного пленного, но тогда не придал значения, а сейчас вырвалось.

Командующий положил трубку.

– Отдайте распоряжения, – заговорил он. – Воспретить, не дать противнику создать зону пустыни! Надо выделить мобильные передовые отряды. Остальные войска свести в колонны. Передовые отряды пусть обеспечат мобилизацию подручных средств на берегу Днепра для переправы. Недостаточно занимать села! Надо не только преследовать, но и опережать, окружать, уничтожать живую силу противника. Не уничтожим ее на левом берегу – встретимся с нею на правом. Мы обязаны помешать отводу войск и техники врага за Днепр. Никаких передышек противнику! Мы должны

ворваться на правый берег на его плечах, закрепить плацдарм, выйти на оперативные просторы. Широко объявить: первые переправившиеся через Днепр будут представлены к награждению Золотой Звездой Героя Советского Союза! Я знаю, солдаты и офицеры очень устали. Но сейчас все дело в темпе наступления. Дайте передовым отрядам рации, зенитчиков, противотанковую артиллерию. Надо создать резерв…

Начальник оперативного отдела торопливо записывал в блокнот распоряжения командующего.

Начальник штаба обратился к Орленкову:

– Кого из офицеров можно сейчас же послать на ПО-2 – уточнить обстановку у Ладонщикова, а потом у Бутейко? Я откомандировал Белых.

– Все офицеры связи в своих хозяйствах, – пояснил начальник оперативного отдела. – Остались лишь мой заместитель Барущак, Степцов из отделения информации и метеоролог. Секретников не пошлешь… Сысоев вторые сутки – оперативным дежурным по штабу. От него требуют данных по изучению опыта передислокации марша и журнал боевых донесений, а он занят. Мы пропустили все сроки.

10

– Разрешите обратиться, товарищ командарм, – сказал Сысоев.

– Слушаю, – повернулся к нему командующий.

– Разрешите мне, после того как я составлю таблицу соотношения сил, выехать к Ладонщикову, а потом к Бутейко. Это необходимо, в частности, для уточнения некоторых данных по изучению опыта войны.

– Ты в здравом уме? – зло оборвал его начальник штаба.

Сысоев сам понимал, что не имеет права вступать в пререкания, но сейчас что-то заставило его продолжать, несмотря на поджатые губы Коломийца.

– Курилко не успел выполнить моего задания: не уточнил у раненого пленного из разведгруппы «Олень» систему организации и тактику их глубинной разведки. Оперативным дежурным можно оставить Винникова.

– Сысоев, ты еще не начальник оперотдела, – начал было начальник штаба. Но командующий жестом остановил его.

– Помнится мне, – сказал командующий, – что ты, Сысоев, узнав от пленного о прибытии на передовую офицера из «исторического кабинета» – органа военной разведки абвера, в котором изучается тактика и стратегия советского командования, – просил нас послать разведчиков в тыл врага, чтобы захватить этого офицера. Удалось его захватить?

– Никак нет! – отчеканил Сысоев, – не удалось.

– Почему?

Наступила пауза, после которой Сысоев сказал тихо и сдержанно:

– Все понятно, товарищ командующий.

– Что тебе понятно? – усмехнулся командарм.

– Сысоев наконец понял, – ехидно сказал Коломиец, – что офицер, участвующий в планировании операций, в частности – в составлении плановой таблицы боя, таблицы соотношения сил, графика взаимодействия всех родов наших войск, то есть основ нашей стратегии и тактики, и знающий все то, что мы знаем о противнике… Кто он, Сысоев? – требовательно спросил он.

– Находка для противника, – кивнул Сысоев, думая о своем.

– Именно. Об этом ты и раньше мог бы догадаться…

– В чем дело, Сысоев? – настойчиво, но не повышая голоса, спросил командующий. – Ты чего-то не договариваешь.

– Моя семья осталась перед войной в Очеретяном. В этом селе дивизия Бутейко будет через несколько дней. Хотел я войти в село с передовым отрядом…

– Так бы и сказал! Позвони комдиву от моего имени, пусть командир передового отряда на участке Очеретяное разузнает и сообщит тебе о семье. Георгий Васильевич, – обратился командующий к Коломийцу, – надо сегодня же взять офицеров из резерва. Не только на штатные должности в оперот-

деле, но и еще человек десять – пятнадцать, чтоб послать их офицерами связи в дивизии и передовые полки.

– Разрешите, товарищ командующий. – Это был снова Сысоев.

– Слушаю.

– Я просил бы не назначать недостающих в моем отделении двух офицеров без моего согласия. Хочу их сначала проверить. Им недостаточно быть просто военно грамотными, им ведь необходимо отлично знать военную науку. Не спросив моего согласия, отдел кадров в свое время назначил ко мне майора Белых. По знаниям – это младший лейтенант. Я отчислил его. Отдел кадров назначил его помощником начальника оперотдела, а сейчас товарищ полковник снова отчислил его… Прошу разрешить мне предварительно знакомиться с кандидатами.

– Как же назначают таких? – спросил командарм, глядя на полковника Орленкова. Тот встал:

– Отдел кадров, в ведении которого находятся офицеры резерва, не может гарантировать должную степень военной грамотности офицеров из резерва, так как знания офицеров крайне пестры. Например, офицер долго пробыл в госпитале, и поэтому плохо знает новые уставные положения; а звание у него достаточно высокое, наград много, храбр. Будет, безусловно, правильнее, если майор Сысоев сам отберет, кто ему нужен. Сейчас офицеры резерва дислоцированы в селе Ефимовка, при штабе запасного полка армии. Некоторые из

них проводят занятия с бойцами этого полка.

– Составишь таблицу соотношения сил, – сказал Коломиец, – зайди в отдел кадров. Захватишь там майора Быхалова с характеристиками офицеров и поедешь в Ефимовку. Кроме двоих для своего отделения, подберешь еще троих для оперотдела и двенадцать для направления в передовые части офицерами связи.

Начальник штаба подошел к карте, перед которой сидел командующий, и молча провел пальцами по правому берегу Днепра – «от» и «до». О правофланговом населенном пункте он сказал «включительно», о левофланговом – «исключительно». Стукнув средним пальцем по яркому кружку на высоком правом берегу Днепра, он произнес раздельно: «Ключевой». Так отныне будет закодирован этот большой промышленный город.

Правофланговый отрезок высокого берега Днепра он назвал, по имени деревни Ровеньки, «Ровеньковскими высотами». Главные точки закодировал так: 284,3 – «Помидор», центральную 258,4 – «Яблоко», а левую, что у села Станиславовки, – «Груша».

Указав на синие линии километрах в двадцати на запад от «Ключевого», у опушки лесного массива, где протекала речка и значилось болото, командующий спросил:

– Есть ли у вас данные о намерениях противника, о численности, техническом оснащении, характеристике частей? И кто командует в этой второй полосе обороны?

– Я подготовил справку, – сказал Орленков. – В лесном массиве имеются партизаны.

– Удалось связаться?

– Все три попытки успеха не имели.

11

– А теперь о том, зачем я тебя вызвал, – повернулся командарм к Сысоеву и машинально потянулся к портсигару.

Адъютант Орехов молча взял портсигар из-под его руки, и на мгновенье встретились их взгляды: недовольный – командующего и напоминающий о чем-то, известном только им двоим, – Орехова.

– Шифровка, полученная сверху, сообщает, – продолжал командующий, – что Гитлер обещал своим генералам в самом скором времени применить новое сверхмощное оружие, способное якобы в корне изменить всю стратегическую обстановку в пользу Германии. Цену гитлеровским клятвам мы знаем. Но в данном случае есть ряд серьезных оснований для форсирования поиска и расшифровки этого секретного оружия врага. Гитлер выразился так, – командующий взял со стола красный листок шифровки и прочел: – «Да простит меня бог за то, что, вынужденный к тому обстоятельствами, я применю такую адскую силу, когда один взрыв будет уничтожать сотни тысяч людей. Это поможет нам поскорее закончить войну и спасти от смерти миллионы арийцев…» – Командующий положил шифровку на стол. – Эту шифровку, кроме присутствующих, читали члены военного совета, знает ее полковник Гуров и начальник артуправления Поляков.

– Распишись, Сысоев, – приказал Коломиец.

Сысоев прочел шифровку, поставил свою подпись.

– В войсках я уже слышал разговоры о каком-то новом сверхмощном немецком оружии, – задумчиво произнес он. – Якобы при поражении им у человека все «лопается в груди» и глаза вытекают.

– Это из немецкой листовки, – проговорил Орленков.

– Мне кажется, это посерьезнее и опаснее самого оружия, – сказал Сысоев.

– Строго между нами, – начал командарм, затем, помолчав, сказал: – Впрочем… – опять замолчал, встал, подошел к майору вплотную. – Мой тебе приказ – сделай все, чтобы своевременно разузнать об этом новом оружии, которое собираются использовать или уже испытывают фашисты на нашем участке фронта. Разрешаю тебе знакомиться со всеми шифровками сверху.

– Будет выполнено! – обещал Сысоев и, подождав, не добавит ли командующий еще что-нибудь, сказал:

– Я слышал, что на нашем участке спецгруппа, прибывшая из тыла, удачно испытывала новейшие образцы нашего оружия. В дальнейшем, если эти испытания будут проводиться на фронте нашей армии, разрешите мне принимать в них участие, товарищ командующий!

– Доложи Северцеву, от кого ты это слышал, – зло сказал начштаба.

Командарм поморщился.

– Я слышал от бойцов, на участке которых проходило ис-

пытание, – спокойно парировал Сысоев. – Ведь толком они ничего не знают, говорят: «Ну и дали фрицам жизни!». Об этом доложить?

– Можешь не докладывать, – сказал командарм. – Но поверь: нельзя тебе, Сысоев, участвовать в испытании новейшего оружия. Когда его примут на вооружение и мы его получим, обещаю тебе: ты первый будешь изучать опыт его применения. А сейчас занимайся делом, которое тебе поручено: старайся побольше узнать об оружии врага.

Командарм прошелся по комнате, вплотную подошел к Сысоеву и тихо спросил:

– Ты понял меня?

– Так точно! – отозвался Сысоев так же тихо и, оценив обстановку как благоприятную для «наступления», еще тише попросил, в связи с важностью задачи, выделить «виллис» и два мотоцикла в распоряжение своего отделения по изучению опыта войны.

– А не выделить ли в твое личное распоряжение и тройку самолетов? – саркастически спросил Коломиец, опасаясь как бы командующий не расщедрился за счет других отделов и управлений штаба.

– Тройку не надо, но хоть бы один ПО-2! – подхватил Сысоев, игнорируя сарказм Коломийца.

– Будет вам! – сказал командующий. – Дадим тебе «виллис» и два мотоцикла, на большее не надейся. Выделишь из резерва, – это было сказано начальнику штаба. – Отбирая

офицеров резерва, – повернулся командующий снова к Сысоеву, – ты будешь знакомиться с их знаниями. Погоняй их как следует, а мне потом доложишь, что они знают и на что годятся. Военный совет армии получил тревожные сигналы об упрощенчестве в боевой подготовке войск. Я понимаю, что несколько часов – срок невелик. Но прежде чем посылать комиссию для проверки, хотел бы я иметь представление, хоть в общих чертах, понимаешь?

– Будет исполнено!

– У тебя есть еще что-нибудь ко мне? Сысоев кратко доложил о двух полицаях, задержанных в расположении штаба, о недостаточной маскировке наших людей и техники в селе.

Наконец его отпустили.

На обратном пути он старался догадаться, о чем же это умолчал командарм, но так и не догадался.

В дежурке Сысоева ждал мотоциклист, доставивший офицерскую сумку Курилко. В ней оказались не только взятые Курилко немецкие материалы, но и странички, исписанные его карандашом. Это были показания раненого гитлеровского офицера. Курилко выполнил задание и уточнил глубинную тактику гитлеровской поисковой группы «Олень». Сысоев подумал: не из этой ли группы появился наводчик бомбардировщика? Но сразу же отбросил эту мысль.

Он послал «виллис» в отдел кадров за майором Быхаловым и вызвал Винникова, чтобы передать ему дежурство.

12

Командир запасного полка принял Сысоева в кабинете. Это был тучный человек с багровыми прожилками на лице и до того багровым носом, что Сысоев невольно понюхал, не пахнет ли в воздухе спиртным. Здесь же находился невысокий молодой майор с розовым лицом и очень хорошенькая девушка – младший лейтенант.

Сысоев назвал себя. Оказывается, его ждали.

– Все офицеры резерва собраны, – сказал комполка, – но вот младший лейтенант Дорохова предупреждает, что горячее остывает и теряет вкус. Впрочем, для вкуса у нас найдется кое-что, после чего, говорят, легче работается. Да и после дороги не мешает…

– Не мешает! – как эхо подтвердил майор из отдела кадров, раскладывая папки на столе.

Сысоев заявил, что плотно поел перед поездкой, не рассчитывая на угощение. Личные дела рекомендованных отделом кадров офицеров резерва он просмотрит потом. А сейчас он просит представить его офицерам резерва, раз уж их собрали, как прибывшего для проведения командирских учений.

Вышли во двор.

Раздалась команда «смирно», и старший по званию, подполковник, доложил комполка, что по его приказанию офи-

церы резерва построены.

– Сейчас, – сказал Сысоев после церемониала приветствий и представления – мы проведем часовые занятия на местности и с картами. Командиром сводного отряда назначаю вас, товарищ подполковник; как ваша фамилия?

– Подполковник Овсюгов. Веду занятия с офицерами.

В списке кандидатов отдела кадров Овсюгов значился первым.

Выше среднего роста, худощавый, скуластый, с обветренными впалыми щеками, приподнятыми, как бы слегка вывернутыми ноздрями и недобрым взглядом, он производил впечатление решительного, но своевольного человека.

– Прежде чем начать занятия, – сказал Сысоев, – пусть те, кто недавно прибыл из госпиталя и не успел как следует усвоить новый устав, выйдут из строя. Из первой шеренги – три шага вперед, из второй – три назад, шагом марш!

Никто не вышел.

Удивленно и недоверчиво улыбаясь, Сысоев поднял брови и покачал головой.

– Обстрелянные! – донеслось из рядов.

– Отправляйте скорее на передовую! Отбирайте!

– Кто ж это вам доложил, что я буду отбирать?

Офицеры засмеялись. Сысоев тоже засмеялся, хоть ему и не слишком понравилась такая сверхосведомленность. «Солдатское радио» – результат наблюдательности бывалых. А тут? Дорохова? Или из отдела кадров?

– Так на какие же должности, товарищ майор, будете отбирать? – в голосе Овсюгова звучала тревога. – Надеюсь, не в тыловики? Я лично симпатий к тылу и тыловикам не питаю, за исключением тех, кто носит локоны. Я боевой командир, прошу учесть это при назначении.

Сысоев окинул взглядом собравшихся.

– Мне поручили провести с вами занятия, – начал он, – и выяснить, как вы умеете организовывать, планировать бой, управлять в бою в соответствии с новыми уставами. Знаю: среди вас много опытных людей, прошедших большую школу войны…

13

Сысоев пошел перед строем офицеров, всматриваясь в лица, встречая смелые и требовательные взгляды, но видел и опущенные глаза.

– Вот я и попрошу вас, товарищ подполковник, – обратился он к Овсюгову, – объяснить товарищам офицерам, сколько, например, нужно боеприпасов и где их нужно разместить, чтобы оборонять рубеж в течение одних суток, прикрывая отход своих войск. Подход противника – к утру завтрашнего дня. У вас в запасе двадцать четыре часа. Изложите свое решение, диктуемое задачами тыла и боевых факторов.

Все ждали. Подполковник сопел, раздувая ноздри.

– А что мне решать? Я прикажу помощнику по тылу подготовить данные, – подполковник неловко хохотнул.

– Прошу, товарищ лейтенант, ответить на заданный подполковнику вопрос, – обратился Сысоев к левофланговому.

Лейтенант басовито, стараясь говорить громко и лаконично, начал:

– Лейтенант Баженов! Полагая, что за день придется отбить до шести атак противника, и считая на отражение каждой атаки по половине боекомплекта, с тем чтобы на поражаемый метр падало не менее пяти пуль и осколков, необходимо иметь два с половиной – три боекомплекта. Решаю – на

переднем крае иметь на единицу оружия один БК, на ротном патронном пункте – пол-БК, на батальонном – один БК.

– Совершенно правильно, – похвалил Сысоев, разглядывая этого лейтенанта, человека не первой молодости, с небольшими усами, и не умея определить – новичок ли он или давно воюет. – Почему вы, товарищ лейтенант, были разжалованы?

– Разжалован не был.

– Недавно призваны?

– Пошел добровольцем в сорок первом. Так аттестован. – Лейтенант не стал продолжать и улыбнулся Сысоеву, будто старому знакомому. Сысоеву показалось, что этот басовитый голос и эту фамилию он где-то слышал. Думая об этом, он продолжал ходить вдоль шеренги офицеров и задавать вопросы.

Около двух часов занимался он с офицерами. Были среди них и знающие, но были и невежды; их он вычеркивал из списка – они не годились для работы в штабе армии.

Подошел майор – начштаба полка и напомнил Сысоеву, что время обеда на исходе. Сысоев прекратил занятия и попросил Овсюгова после обеда привести офицеров в рощу, видневшуюся в трех километрах западнее села.

Когда офицеры ушли, начальник штаба щелчком сбил пушинку с плеча Сысоева и пригласил его отобедать.

– Спасибо. Не хочется, – ответил тот, ощутив острую неприязнь к этому не в меру услужливому майору.

– Учтем! – многозначительно бросил майор. – Начальник отдела кадров сказал мне:

«Майор Бичкин, поручаю вам временно, пока выздоровеет Сабуров, заниматься… – он запнулся и поправился: – ведать офицерами резерва».

Фамилия Бичкин была Сысоеву хорошо знакома. По самодовольной улыбке майора и написанной на его лице готовности ответить было заметно, что он ждал вопроса, не родственник ли он члену Военного совета генерал-майору Бичкину. Они и внешне были похожи: тот же короткий, толстый нос, те же толстые губы и бесцветные брови. Сысоев нарочно не задал этого вопроса, зато спросил о другом.

– Кто сообщил офицерам резерва об истинной цели моего приезда?

– Во всяком случае – не я… «Солдатское радио»!

Сысоев недовольно поморщился, но промолчал. Через час он вместе с майором поехал на виллисе знакомиться с местностью. Осмотрев рощу, овраг и кустарник, они условились, что майор Бичкин переведет солдат запасного полка, занимающихся в роще, в кустарник по ту сторону оврага и что по сигналу красной ракеты солдаты начнут наступление на рощу, где позицию займут офицеры. Рощу Сысоев назвал «Дубовой», закодировал лески и высоты.

В роще «Дубовой», на большой поляне, сидели и лежали офицеры резерва. Под сильным ветром качались деревья. Ссохшаяся медно-бурая листва на дубках билась о кору, тре-

пыхалась, вертелась и все же не отрывалась, а лишь издавала жестяной скрежет, будто над головой неслись тяжелые снаряды. Белели расколотые, расщепленные стволы.

Сквозь шум леса доносились короткие очереди: черный дятел деловито долбил клювом крепкий голый ствол. Мирное занятие дятла напоминало о таких далеких и таких родных сердцу мирных делах мирных дней. Под старыми дубами темнели провалы старых землянок, а рядом виднелись крыши обновленных, еще недавно жилых. Поперек дороги стоял почерневший от огня немецкий танк с опущенным стволом орудия. Валялась опрокинутая немецкая противотанковая пушка, вокруг нее разбитые повозки, лошадиные трупы. Они уже набухли, стали в два раза толще. Темнела свежая земля на могиле. Ветер прижимал к стволам обрывки бумаг. Пустые консервные банки, грязные бинты, куски серо-зеленой материи набились в свежие воронки. Повсюду – немецкие каски, противогазы.

– Неужели трудно было зарыть? – Сысоев кивнул на лошадей.

– Трупы гитлеровцев уже зарыли, хоть и не наше это дело. Зароем и эти, – примиряюще сказал майор и ушел.

Сысоев выделил группу общевойсковых офицеров, снабдил их картами, компасами, карандашами, бумагой. Хотелось успеть проверить людей на двух тактических задачах: стрелковый батальон в наступлении и стрелковый батальон в обороне. Конечно, решить обе задачи полностью – време-

ни не хватит. Но выяснится главное: умение офицеров уяснить задачу, рассчитать время, принять предварительное решение, провести рекогносцировку, организовать взаимодействие, наконец – отдать боевой приказ… Сысоев знал: и этой проверки достаточно, чтобы определить, чего стоит тот или иной офицер.

На этих учениях отлично зарекомендовали себя подполковник Казюрин, майор Корнилов, майор Филиповский, старший лейтенант Чернявский, лейтенант Баженов и еще двадцать три офицера. Их-то, вернувшись в село, Сысоев усадил за карты, вооружил цветными карандашами и курвиметрами[4] и отдал в роли комдива приказ на встречный бой полка. Он сообщал им динамику боя, и они ее наносили на карту, а ему «посылали» боевые донесения и оперативные сводки о боевых действиях их полка. Затем он попросил всех написать на картах свои фамилии и, наконец, отпустил их.

Он зверски устал, ему хотелось есть, но он «выдерживал характер». Быстро просмотрев графические решения задачи, приказы, сводки, донесения, Сысоев из двадцати восьми кандидатов отобрал восемнадцать.

Подполковник из отдела кадров удивился списку, но виду не подал и принес личные дела всех отобранных Сысоевым офицеров.

Сысоев перебирал папки, пока не остановился на личном

[4] Курвиметр – небольшой прибор в виде колесика со счетчиком, для определения расстояний на карте.

деле лейтенанта Баженова. Где же он встречался с этим человеком?.. Он решил вызвать его первым.

14

В комнату к Сысоеву вошел лейтенант Баженов. Сысоев пытался вспомнить, где и когда он встречался с лейтенантом, а лейтенант с самого начала, с первой утренней встречи отлично помнил, где он впервые столкнулся с Сысоевым.

…Была суровая зима сорок первого года. Бои шли под Москвой. На переднем крае, точнее – на «ничейной земле», проходившей по топкому болоту, Сысоев увидел на сосенке, в ста пятидесяти метрах от переднего края, незамаскированного бойца-наблюдателя.

Ну куда после этого годятся гитлеровские снайперы!

Капитан Сысоев, выполнявший обязанности комполка, негромко приказал бойцу спуститься «пулей вниз». Пока боец не спеша выполнял приказание, Сысоев задавал вопросы: почему не в белом халате, почему демаскирует, почему подставляет свою дурацкую голову под пулю?

Боец, слезший с дерева, стоял перед капитаном и смущенно улыбался. На вид ему было лет тридцать, если не больше. На плохо стягивающем шинель поясе висела тощая кожемитовая кобура без пистолета.

Боец назвался военным журналистом Юрием Николаевичем Баженовым. Артиллерист-наблюдатель уступил ему на время свое место, предложил белый халат, а халат не налез – Баженов был рослым, косая сажень в плечах.

Сысоев потребовал документы. Проверив их, приказал журналисту уйти. Бойцы, его сопровождавшие, молча наблюдали за этой сценой. Но Баженов, узнав, кто с ним говорит, увязался за капитаном. Он уверял Сысоева, что по совету начальника штаба дивизии «специально приехал к Сысоеву».

Они двинулись дальше. Посвистывали пули. Как ни старался Баженов «не кланяться», голова его дергалась сама. Когда неподалеку начали рваться мины и методично шагавший Сысоев вдруг прислушался и быстро упал, а на него свалился молодой боец, Баженов остался стоять. Мина, разорвавшаяся неподалеку, оглушила Баженова. Чернел развороченный торф, воняло толом.

– Цел? – одними глазами как бы спросил Сысоев, вставая.

– Я не боюсь, – вслух ответил Баженов, у которого резало в глазах и болела голова.

– Видал я таких храбрецов. Не боятся потому, что не испытали боли. Ненавижу ухарство. Умереть и дурак может.

Подошли к землянке. Возле нее, в ходах сообщения, толпились бойцы.

– Молодцы! – обратился Сысоев к бойцам: – Ловко фашистов из деревни выбили. А ну, Новиков, дай им патефон, у них голоса охрипли от крика «ура». Пусть им Козловский и Барсова поют. Пусть им хор Пятницкого поет.

– Это зачем же? – удивленно спросил журналист.

– А вы полагаете, гитлеровцы дураки, что играют свои

родные песни на чужой земле? Только журналисты считают их за это дураками. А где Петрунькин?

Явился младший лейтенант Петрунькин.

– Не видал тебя в ночной атаке, не слышал, – жестко сказал Сысоев. – Сегодня же пойдешь с группой в ночной поиск, в деревню Воропаево; уходя назад, сам подожжешь бутылкой штаб. Нам нужен огневой ориентир. Выполнишь – прощу!

– Выполню, – глухо ответил Петрунькин.

Сысоев, а за ним Баженов вошли в землянку.

– Бойцы накормлены? – поинтересовался Сысоев, прежде чем он и бывшие в землянке человек восемь сели обедать.

За столом он затеял полушутливый разговор, который надолго запомнился Баженову.

– Ну и натерпелся я страху сегодня, – начал Сысоев, – слышу, летит на меня мина. Я – хлоп! и на землю. И Новиков наш – хлоп! и на меня, сверху. Слышь, вестовой: чтоб больше этого не было! Тебе что, земли мало? – глаза Сысоева смеялись, а голос звучал сурово.

– Товарищ командир… – начал было Новиков, но засмущался и уткнулся в тарелку… На его счастливом зардевшемся лице было написано, как он любит командира.

«Вот так штука, – поразился Баженов: – говорили – Сысоев герой, Сысоев бесстрашен… А герой-то мины пугается!» Он даже есть перестал от удивления.

– Это что! – подхватил игру другой командир. – Вот я давеча испугался, так испугался. Вышли это мы с сержан-

том… – и он начал подробно расписывать свое приключение.

…Не сразу понял Баженов, что у Сысоева в части прощали испуг, страх, любое человеческое чувство. Не прощали другого: трусости, растерянности, потери человеческого достоинства. Не прощали малодушия…

Без ведома Сысоева, но ссылаясь на его разрешение, Баженов увязался тогда в ночной поиск. Он поступал, как все: шел, останавливался, полз, а услышав немецкую речь, замирал. Потом поспешно стрелял из винтовки по белым фигурам, выбегавшим из пылавшего дома, и винтовка прыгала в его руках. Затем, задыхаясь от волнения, он тащил два туго набитых немецких ранца и, боясь прослыть трусом, обратно не бежал, а шел позади всех, чем вызвал ярость Петрунькина, так как замедлял движение.

Добыли не только языка, но и консервов, и три автомата, и два пистолета, – это он помнил еще сегодня до мелочей.

…Баженов передал по телефону свой очерк о ночном поиске, рассказал о нем знакомым политработникам в политотделе дивизии. Сысоеву попало за то, что он пустил журналиста в ночной поиск: человек не разбирается, где опасность, у него даже звания нет – не солдат и не офицер. Нарвется на пулю, а мы отвечай. Отправить с передовой!

Это распоряжение передали журналисту от имени Сысоева. Сысоеву некогда было давать интервью, и он сунул Баженову свои дневники и рапорты о боевом опыте, а на про-

щание подарил трофейный парабеллум.

Потом в центральной газете появился большой очерк Баженова о Сысоеве. Волевой, необычный, молодой комполка представлялся Баженову «новым типом советского офицера».

15

Невысокий, худощавый, подтянутый, с острым взглядом светлых глаз и преждевременными морщинками, Сысоев выглядел старше своих двадцати четырех лет. Говорил он очень громко – сказывалась перенесенная контузия, в ушах всегда шумел гул битвы.

Петр Сысоев, сын кадрового военного, командира артиллерийского полка, погибшего на Халхин-Голе, с детства мечтал стать командиром. В военном училище он увлекался историей, сочинениями Суворова и Клаузевица, Энгельса и Фрунзе, серьезно изучал военное искусство. А где искусство, там и романтика – романтика военного дела, искусство борьбы и победы.

Он попытался было на комсомольском собрании изложить эту свою романтическую точку зрения, но присутствовавший политрук оборвал его. Военная служба, сказал он, это точное выполнение устава, и нечего затемнять мозги какой-то там романтикой. Кто не выполняет своего долга, тот несет наказание.

…После военного училища Сысоев командовал взводом близ границы. Участвовал в воссоединении Западной Украины. Первые бои Отечественной войны сделали его командиром роты. Он вступил в партию по боевой характеристике в первый же год войны. Солдаты любили своего требова-

тельного, но справедливого молодого командира, всегда заботившегося, чтобы они были накормлены и одеты.

Сысоев всегда был подтянут, гладко выбрит. Война не была для него, кадрового военного, чрезвычайным происшествием в том духе, как понимали это гражданские. Он воспринимал войну, как быт.

Он старательно изучал немецкий язык и сам допрашивал пленных. Его интересовали не только данные в объеме сведений из солдатской или офицерской книжки – род войск, номер части или ее расположение, а намерения, командиры, вооружение, откуда прибыла и прочее. Его интересовала тактика, оружие, в частности и в особенности – мины. Элементарная истина гласит – чтобы побеждать врага, надо хорошо изучить его сильные и слабые стороны. Не надо переоценивать, но не надо и недооценивать.

Комдив невзлюбил Сысоева за нарушение уставных положений и его рапорты в оправдание этих нарушений. Комдив даже запретил подавать такие рапорты, но начальник штаба добился отмены. Ведь обобщению боевого опыта генштаб придает особое значение. И все же комдив подыскивал комполка для замены Сысоева. Вот тогда-то и приехал Баженов, а его статья укрепила положение Сысоева.

…После ранения Сысоев попал на курсы командиров полков, на знаменитые Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел». По окончании курсов ему присвоили звание майора и назначили на новую, чрезвычайно увлекшую его

работу. Война сейчас представлялась ему поединком с умным, жестоким, сильным и опытным врагом. Чтобы победить, надо быть на голову выше этого врага…

16

Итак, в комнату к Сысоеву вошел лейтенант Баженов. Да, это был тот самый Баженов. О том, что лейтенант первым окончил курс командиров полков на «Выстреле», Сысоев понял из его ответов еще во время проверки.

Баженов рассказал о себе. Сысоев спросил:

– Хотите работать в отделении по изучению и использованию опыта войны оперотдела штаба армии?

– Разумеется, да, только захочет ли меня взять начальник этого отделения?

– Начальник я.

– Конечно, хочу! – Баженов даже засмеялся. – А что надо будет делать?

– Многое. Потом объясню. Как у вас с немецким?

– Читаю. Допросить могу.

– Хорошо управляете мотоциклом, автомобилем?

– Автомобильные права имею. На мотоцикле ездил, но экзамена не сдавал.

– Сдадите экзамен.

Сысоев задумался. Кого же еще выбрать? Вот подполковник Казюрин превосходно разбирается в военных вопросах, но начальник оперотдела обязательно его отберет. Хорошо бы взять и Чернявского, образ которого у него почему-то ассоциировался с образом Долохова из «Войны и мира»; хо-

рошо бы и майора Корнилова: он казался наиболее подходящим для описания операций и ведения журнала боевых действий.

Сысоев отпустил Баженова и попросил его направить сюда майора Корнилова. Майор явился так быстро, будто ждал у двери, и это было недалеко от истины: все офицеры нетерпеливо топтались возле дома. Майор Корнилов очень охотно согласился работать с Сысоевым.

Была уже глубокая ночь, когда Сысоев разбудил майора Быхалова из отдела кадров и передал ему список.

В отделение по изучению и использованию опыта войны были намечены: майор Корнилов, лейтенант Баженов.

В оперативное отделение: подполковник Казюрин, майор Филиповский, майор Симонян, старший лейтенант Чернявский.

Майор Быхалов возражал: зачем брать лейтенанта на должность, рассчитанную на подполковника? И почему подполковника Овсюгова нет в списке? Ведь он вел здесь занятия, знающий офицер!

– Не очень!

– Мой начальник не согласится с вами.

– Решать будут в штабарме.

Глава вторая. Первое боевое задание

1

К полудню следующего дня серьезный майор Корнилов и улыбающийся лейтенант Баженов явились в распоряжение майора Сысоева.

Он повел офицеров к начальнику оперотдела. Полковник Орленков расспросил Корнилова и Баженова о прохождении ими военной службы, об их образовании.

– Военный язык, – обратился он затем к Баженову, – язык лаконичный. Очень точный. Необходима предельная краткость, но не за счет ясности. Вы говорите излишне пространно. Подозреваю, что составить оперативную сводку вам будет труднее, чем написать военный очерк на ту же тему.

– Я был не только журналистом. Я был и научным работником – начальником экспедиции. С зимовки мы передавали чрезвычайно краткие, но ясные сообщения по радио. Берегли батареи.

– С вами я еще потолкую, – полковник переглянулся с Сысоевым и отпустил офицеров.

Через полчаса они собрались у начальника штаба. Он

тоже попросил каждого кратко рассказать о себе, задал несколько вопросов и остался, видимо, доволен. Еще через десять минут был подписан приказ об их назначении.

Баженов и Корнилов получили в АХО полагающееся им обмундирование, карточки в столовую военторга, постельные принадлежности и прочее. Корнилов получил пистолет «ТТ», у Баженова был парабеллум.

Оба офицера поселились в одной комнате с Сысоевым.

После обеда Сысоев расстелил на столе свою оперативную карту и ознакомил их с фронтовой обстановкой. Затем он начал посвящать их в дела и задачи отделения по изучению опыта войны.

– В боевых и полевых уставах всех армий, – начал он, – даются правила, как действовать в различных видах наступления и обороны. Казалось бы – изучи боевой устав войск противника и побеждай. Но вот ведь и в шахматной науке есть свой боевой и полевой устав; как, например, ходит пешка, слон, ладья и другие фигуры, как отразить тот или иной тактический или стратегический замысел. И что же? Ни в шахматах, ни на войне нет формулы победы. Без знания правил победить нельзя, но одних правил для победы недостаточно. Изучение всего нового – действий нового оружия, новых приемов, новых тактических решений, нового в оперативном искусстве – вот в чем наша задача. Мы изучаем не только то, что привело к победе, но и причины поражения. Для победы надо отлично изучить особенности боевых дей-

ствий войск противника, неустанно следить за его новыми приемами и средствами, постоянно опережать его.

Сысоев проговорил с ними почти три часа. Они составили план работы – кто какие темы ведет, сроки исполнения.

Получалось так, что Корнилову надо было сегодня же закончить и отправить журнал боевых действий и некоторые другие материалы в штаб фронта и срочно садиться за обобщение материалов об опыте марша – «Армия на марше».

Баженову поручалась более оперативная работа по изучению опыта войны, связанная с выездом в соединения и части. Он должен был держать связь с бывалыми офицерами и солдатами, рационализаторами, изобретателями.

Сысоев повел обоих офицеров к Винникову, у которого хранились все материалы отделения. Корнилов остался работать, а Сысоев и Баженов пошли «домой».

– Я думаю о том, – сказал Баженов, шагая рядом с Сысоевым по тропинке у домов (теперь уже никто не шел по улице), – сможем ли мы предугадывать появление нового оружия? Вот, скажем, наша катюша – это реактивные снаряды. А еще недавно идея Циолковского о реактивных двигателях расценивалась как научно-фантастическая.

– Ну и что же вас удивляет?

– Темпы реализации научной фантастики. Ведь я и сам считал ракеты уделом двухтысячного года, а осуществили их теперь.

– Баженов, вы должны хорошо знать литературу, – задум-

чиво заговорил Сысоев. – Прочли, верно, немало фантастических романов. Вспомните-ка: о каком оружии говорится в этих романах? Пусть речь идет о самом фантастическом. Не помните?

– У Герберта Уэллса написано, например, об оружии марсиан: тепловой луч. Идет концентрированный пучок термической энергии и все сжигает на своем пути. Он же говорил о кейворите – управлении силами притяжения. Вдруг антигравитационные силы поднимают вражеские пушки в воздух, а снаряды и пули, направленные во вражеские войска, не попадают в цель.

– В каком это романе Уэллс говорил об этих непопадающих снарядах?

– Это мои фантастические вариации на темы Уэллса. Он писал о человеке-невидимке. Варианты: невидимая армия, невидимые разведчики, невидимые самолеты.

– Меня интересуют военные гипотезы в фантастических романах.

– Могу перечислить запомнившиеся: лучи смерти; лучи, сводящие с ума. Гипноз на расстоянии посредством гипнотизирующей машины. Лучи усыпляющие. Одним словом, всякие «икс» – лучи. Да, есть еще очень интересные лучи детонации. Я когда-то читал фантастический роман о том, как некий герой направлял луч своего аппарата на крейсер, и крейсер взрывался. Точнее, взрывались все боеприпасы на этом крейсере. А то еще такое: направят магнитный луч на

самолет – остановится мотор. Упадет самолет. Направят такой луч на танк – остановится танк…

– Продолжайте!

– Или, например, все, что связано с внутриатомной энергией, колоссальной энергией расщепленного атома. Бросят атомную бомбу на город – и нет города. Сколько мирных жителей погибнет! Тотальная война. Дай такую бомбу Гитлеру, он устроит ад на земле.

– «Да простит мне бог, но я употреблю такое оружие…» – сказал Сысоев и весело глянул на Баженова.

Лейтенант замолчал, не в силах понять, как можно радоваться такому…

Навстречу им шел полковник Петрищев. Баженов умолк, и оба приготовились поздороваться, но полковник на сей раз опередил их. Баженов растерялся и неловко приложил пальцы к пилотке.

Полковник Петрищев остановился.

Баженов ждал замечания.

– Лейтенант Баженов, с сегодняшнего дня – мой помощник, – представил Сысоев и тут же добавил: – В гражданке был журналистом. Человек с собственными вариациями на фантастические темы.

– Творческому офицеру без интуиции, без фантазии – нельзя, – полковник доброжелательно смотрел на Баженова.

– А я только вчера доказывал офицерам, – сказал Сысоев, – что без знания нового устава нет командира. Да, верстку

«Справочника командира», которую вы мне дали, я прочитал. Замечаний нет, кроме мелких поправок. Вечером принесу.

– Вам нравится «На западном фронте без перемен» Ремарка? – обратился Петрищев к Баженову.

– Нет, сейчас не нравится, а когда-то эта книга меня потрясла. Она заражает пацифизмом, страхом. Хочется спрятаться, а я не намерен вести себя на передовой, как дичь, за которой охотятся. Я сам охотник.

– Ну, а «Поединок» Куприна нравится?

– Отлично выписанные образы. Простите, товарищ полковник, а почему вы меня об этом спрашиваете?

– Как ваше имя, отчество?

– Юрий Николаевич.

– Вам, Юрий Николаевич, придется работать и со мной – над изданием оперативной военной литературы. Будем с вами содействовать обмену боевым опытом. Я ведь тоже охотник, вот мы и сочиняем новые «Записки охотника». Знаете что, приходите ко мне с Петром Ивановичем вечерком. Отпразднуем день моего рождения.

Баженов так оторопело посмотрел на Сысоева, что тот рассмеялся.

– Война – это наш быт, мой милый, – пояснил Петрищев, – и нарушать семейные традиции не в моих правилах, если нет чрезвычайных причин. Придете?

Баженов вопросительно посмотрел на Сысоева.

– Придет! – ответил за него Сысоев.

2

Поздно вечером за двумя составленными сосновыми столами, застеленными белоснежной скатертью, собралось семь офицеров.

Стол, как показалось Юрию Баженову, был роскошно сервирован. Его не удивили ни вина в бутылках, добытые в военторге, ни фляги с водкой, ни консервы, ни колбаса, ни сыр, а удивили серебряные чарки-стаканчики, белоснежные салфетки возле приборов, продуманно расставленные тарелки, разложенные ножи и вилки и особенно – большущий пирог посредине. На нем рельефно выделялась сделанная из теста цифра.

Майор Андронидзе возглашал грузинские тосты и привычно кокетничал своей спортивной ловкостью. Баженову он предложил пари, что опрокинет его за семь секунд. Бороться не стали: Сысоев предупредил Баженова, чтобы он и не пробовал.

Толстый блондин Эггерт, немец по происхождению, оказался интереснейшим собеседником. Сейчас он был военным переводчиком в седьмом отделении, а до войны публиковались его переводы из Гёте и Шиллера. В штабе армии Эггерт сочинял листовки, предназначенные для гитлеровских войск.

Все было интересно: и колоритные рассказы Петрищева

об офицерской бывальщине разных эпох, и тонкий юмор в его оценках офицеров штаба, и смелые споры на военные темы. Петрищев оказался ходячей энциклопедией. Он, например, продемонстрировал, как отдают честь во всех армиях мира. Баженова это навело на размышления.

Неискушенный в тонкостях строевой службы может подумать: а какая разница, приветствовать так или этак? Какая разница, каким движением отбивать направленный в тебя штык? Небось, сражающийся сам сообразит, как ему действовать. Нет, брат: весь секрет в том, что в сутолоке боя, грохоте взрывов, свисте осколков и пуль человек порой теряет самообладание. Где уж тут соображать, как сохранить себя как «боевую единицу», как лучше отбить удар и самому поразить врага! Легче всего, если боец научился действовать полуавтоматически, рефлекторно. А для этого и надо усвоить уставные положения, предписывающие предельную четкость исполнения. Эта привычка к четкости, даже во второстепенном, даже в приветствии, служит формированию военного человека, профессионала.

…Баженов захмелел. Он много смеялся и очень жалел, что забыл захватить записную книжку и карандаш. Богатый материал для очерков! А не запомнишь ведь…

Когда пирог был наполовину съеден, табачный дым уже щипал глаза, а майор Андронидзе под баян танцевал лезгинку, и все хлопали в ладоши и кричали «асса-асса», дверь отворилась, и вошел командарм.

– Товарищи офицеры! – радостно скомандовал Петрищев, и все встали.

– Прошу садиться и продолжать. Опоздал я, извини, друже! Сам понимаешь. Поздравляю тебя! – Командарм расцеловался с Петрищевым, пожал руки всем офицерам, и Баженову тоже, и сделал это так, будто они были давно знакомы.

Петрищев пригласил за стол, налил водки в серебряную стопочку, подал командующему, налил остальным.

– В командире, – начал командующий, поднимая стопку, – я ценю военную жилку, умение подчинять своей воле обстоятельства и солдат, умение побеждать малой кровью. Этими качествами, этим талантом полководца обладает Платон Петрищев. – Все чокнулись с виновником торжества и выпили. Командарм погрузился в воспоминания: – Помню, после революции у нас был командиром полка матрос-артиллерист, смельчак; военспецем у него был Платон Петрищев. Я командовал в этом полку разведкой и был потрясен, когда военспец пригласил нас вдруг отпраздновать день своего рождения…

У командующего была чисто, до блеска, выбритая большая голова, умные и волевые глаза. Баженову он казался профессором, надевшим военный мундир.

– Во всяких войнах победа обеспечивается духом тех, кто проливает кровь свою. Так выпьем за того, кто пролил немало крови за советскую власть, выпьем за опытного, стойкого офицера, который и меня когда-то обучал военному искус-

ству. За твое здоровье и успехи, Платон Валерианович!

Все крикнули «ура» и снова опорожнили бокалы.

– Гляжу я на этот стол, – сказал командарм, – и вспоминается мне недавний разговор с пожилым бойцом, из «старичков». Спрашиваю: ну, как воюется? А он отвечает: – Харч хороший, воевать можно…

Все засмеялись.

– А ведь как было, когда создавали Красную гвардию? Помню, дали мне только что созданный батальон. Кто во что одет: одни в лаптях, другие в рваных ботинках, стянутых проволокой, кто в шинели, кто в пальтишке, кто в офицерском кителе. Обмундировать бы надо, а ничего нет… Кормить нечем. Голод. Едет наш эшелон день, второй, третий. Морковный чай пьем с сахарином. Один сухарь на день. Тут являются ко мне пятеро красногвардейцев и говорят: местные мы, ежели сейчас отпустите нас домой повидаться, мы расшибемся, а доставим на узловую продовольствия на всю часть. Сбегут, думаю, а мне отвечать. Что делать? Народа еще не знаю. Рисковать или нет? Отпустил… Прибыл эшелон на узловую станцию. Час, два проходит, нет их. А нам стоять семь часов. И пятый час идет, и шестой – нет и все тут. Отправился эшелон дальше к фронту. А на следующей станции гляжу – вся пятерка ожидает нас на перроне с мешками сухарей, картошки, мяса, капусты. Им, оказывается, до этой станции попутный транспорт был. Уж как мы им обрадовались, описать трудно…

Командарм пробыл довольно долго. Он шутил, рассказывал забавные боевые эпизоды, держался непринужденно и очень понравился Баженову.

3

Наутро Баженова, Корнилова и других новых офицеров оперотдела повезли на аэродром, где базировалась штабная эскадрилья «уточек».

Летчики уже ждали их около своих самолетов. Баженов получил карту-двухкилометровку. Как он понял, самолет пойдет по неизвестному Баженову маршруту, а когда летчик потребует указать, где они летят, то наблюдатель Баженов должен будет назвать точные координаты.

Ему дали кожаное пальто, кожаный шлем со шлемофоном, рукавицы.

Его летчик – молодой, невысокий, неторопливый – сел на свое место, кивком указал Баженову на сиденье позади. Баженов хотел быстро и ловко влезть по крылу на место, но с непривычки ему пришлось карабкаться.

– Пристегнитесь, – крикнул пилот, – и следите за воздухом, увидите «мессера» – скажите.

Баженов нащупал на боках сиденья концы ремня, опоясался и скрепил их пряжкой.

– За тяжи и трубки не хвататься, – предупредил летчик и поднял руку, прося старта.

Мотор взревел. Баженов опустил на глаза очки – «консервы». Рокот усилился. Самолет побежал по полю, начал подпрыгивать, и вдруг толчки прекратились. Самолет лег на

крыло, и Баженову показалось, что он вот-вот вывалится.

Хаты скоро стали величиной со спичечную коробку. Четкость линий исчезла, растаяла в синеватой дымке. И совсем уже неожиданно голова пилота оказалась вверху, земля устремилась на Баженова и завертелась перед его глазами. Затем самолет промчался над полем, круто взмыл вверх и снова начал кувыркаться с крыла на крыло. И пошло, и пошло: бочки, штопоры, иммельманы, виражи сменяли друг друга.

Баженов то чувствовал невесомость, то его вдавливало в сиденье; его подташнивало, перед глазами мелькали красные круги. А когда они наконец полетели по прямой и самолет перестал выделывать фигуры, Баженов услышал в наушниках вопрос пилота:

– Что под нами?

Баженов даже засмеялся от неожиданности. Он заглянул через борт и увидел узенькую полоску грейдерной дороги, взглянул на компас, на карту. Приближалось большое село с разбитой церковью.

– Красное? – почти наобум спросил он в микрофон.

– Правильно.

И снова штопоры, иммельманы, бреющий полет. Баженов старательно следил по карте. И снова:

– Где летим?

Под ними была железная дорога, маленькие домики и какие-то развалины.

– Полустанок Зеленое! – назвал Баженов.

– Станция Петухи! – поправил пилот и добавил: – Разбомблена.

Баженова бросило в жар. Он стал очень внимательно сверять карту с местностью и больше не ошибся ни разу. «Мессеров» он не видел, а «Раму» заметил. Пилот только пренебрежительно махнул рукой. Когда же Баженов обнаружил неподалеку большую группу самолетов, летевших со стороны фронта, и с волнением сообщил об этом пилоту, тот ответил: наши бомбардировщики.

– Подходяще ориентируетесь! – сказал пилот, когда они уже снижались.

После обеда Баженов получил оценку «хорошо» за езду на автомашине и «удовлетворительно» за вождение мотоцикла. В лесу он ехал на большой скорости по тропинке, и в низине, где было мокровато, мотоцикл повело и опрокинуло. Следы грязи на брюках и локте он постарался скрыть, но офицер из автобронетанкового отдела был достаточно опытен.

4

На следующий день штаб перебазировался в село, находившееся в двадцати километрах западнее. Успешное наступление продолжалось. Почти все офицеры оперотдела были в «хозяйствах».

Третий день Баженов решил целиком потратить на ознакомление с материалами по изучению опыта войны. В комнату Винникова, где он занимался, вошел оперативный дежурный старший лейтенант Чернявский и сказал:

– Ать-два! Галопом к начштаба!

Полковник Коломиец пытливо оглядел отрапортовавшего Баженова и потребовал:

– Покажи свою карту!

– Не захватил.

– На первый раз ставлю на вид. Подойди к столу. Объясняю обстановку. Противник поспешно отступает к Днепру на всем фронте армии. Наши бомбардировщики бомбят переправы на Днепре. Действуют лишь небольшие заслоны противника на главных магистралях и перекрестках дорог, у крупных населенных пунктов, создавая видимость обороны и даже контрнаступления. На некоторых участках группы противника в пять – десять танков с пехотой в количестве до роты и якобы до батальона контратакуют наши части. Я считаю оценку контрнаступательной активности противника

преувеличенной, неправильной. – Коломиец отошел от стола и зашагал по комнате.

– Чтобы успешнее продвигаться, каждая дивизия создала передовой отряд. Задача такого отряда – действовать инициативно, энергично, чтобы, уничтожая заслоны противника или обходя их, прорваться к Днепру, – не допустить создания зоны пустыни, захватить подручные переправочные средства и понтоны противника и отрезать отходящие войска. Передовые отряды должны с ходу форсировать Днепр и закрепиться на западном берегу. В этих условиях очень важно, чтобы командиры передовых отрядов своевременно и правильно информировали о противнике, о своем продвижении, так как от этого зависит дальнейший успех операции. Туда, где будет наибольший успех, мы направим понтонный парк и прочее. Понятно тебе?

Баженов кивнул. Он слушал очень внимательно.

– От командира передового отряда дивизии Бутейко, у которой наибольший темп продвижения, уже пять часов нет никаких сведений. Это недопустимо. Два часа назад Бутейко послал туда своего офицера-оперативника с рацией, но до сих пор нет сведений и от этого офицера. Я послал к передовому отряду наш штабной самолет ПО-2, но его сбил «мессер». Поэтому для выяснения обстановки, для связи и для выполнения других заданий я решил послать группу офицеров штарма на радиоавтобусе-Андронидзе из разведывательного, Помяловский из инженерного. Оба занимают-

ся изучением опыта войны. Ты возглавишь эту группу. Комдив Бутейко извещен об этом моем решении.

Коломиец остановился против Баженова и сказал тихо, глядя ему в глаза:

– Действуй от моего имени. Не позволяй ввязываться в бой там, где надо обходить, прорываться к Днепру. Обстановка требует решительных, быстрых и смелых действий. Если надо отстранить командира отряда – радируй мне. Сегодня к вечеру отряд должен выйти к Днепру, а ночью форсировать. Он действует (и это – ось твоего движения) в направлении Ефимовка, Комиссаровка, Самойловка, Очеретяное, Песчаное, Лозняки, Бережаны. – Карандаш начальника штаба пересек указанные деревни и уперся в Днепр. – Теперешним кодом пользоваться запрещаю. Получишь у Винникова новую таблицу и карту, кодированную только для связи штабарма с тобой. Подробные донесения отправляй шифровкой, для чего с тобой поедет шифровальщик. При нем будет автоматчик. Автомат у тебя есть?

– Автомата нет.

– Возьми трофейный, из имеющихся у Сысоева. Позаботься, чтобы у офицеров были с собой автоматы и гранаты. Оперативную сводку на карту нанеси условно. Не записывай ничего, что касается наших войск. Донесения высылай: первое – когда выедешь к Ефимовке, а затем – в зависимости от обстановки, но не реже одного в час. Сообщай данные опроса пленных, особенно все, что касается укреплений и частей

на правом берегу. Узнавай о новом оружии, которое гитлеровцы грозятся применить. Действуй смело, но головы не теряй. Когда достигнешь берега Днепра, разведай, где есть лодки, и сообщи – где, сколько. Наши тяжелые понтонные парки еще на подходе, а надо форсировать с ходу. Повторяю, действуй от моего имени, пусть форсируют наступление. Направление главного удара, а значит, и ввод резерва, зависит, в частности, от того, какой передовой отряд первым создаст предмостное укрепление, закрепится на правом берегу. У твоего передового отряда есть для этого все возможности.

Начштаба так и сказал: «У твоего».

– Перед выездом уточни обстановку у оперативного дежурного. Справишься?

– Постараюсь!

Глаза у Коломийца сузились, губы на секунду сжались.

– Что за невоенный ответ? Послал бы кого-либо другого, да все оперативники уже в войсках и я хочу знать, чего ты стоишь. Сысоев должен ехать с командующим. Да ему и нельзя находиться в боевых порядках. Помни, ты отвечаешь за подчиненных тебе офицеров.

– Справлюсь, товарищ полковник, – энергично сказал Баженов и, заметив недоверчивый взгляд, повторил: – Есть, выполнить ваше приказание!

– Действуй!

Обратно Баженов почти бежал. Когда он сообщил Сысоеву о полученном задании и попросил трофейный автомат,

лицо его было таким возбужденно счастливым, что Сысоев счел нужным ему сказать:

– Не уподобляйтесь Пете Ростову. Главное для вас – не геройски умереть, а отлично выполнить боевое задание. С вами едет майор Андронидзе из разведотдела. Это опытный офицер. Советуйтесь с ним.

– Конечно, буду советоваться.

– Главное в вашем боевом задании – изучить опыт боевых действий передового отряда. Понятно? Это и будет первая ваша тема, и, конечно, особое внимание обращайте на все, что касается нового оружия врага. Расспрашивайте пленных. Расспрашивайте наших офицеров и солдат. Сами осматривайте и описывайте необычные ранения, повреждения боевой техники. Даже если это будут единичные случаи. Если надо будет – захватывайте образцы. Умно рискуйте. Если повезете образцы – поосторожнее. Помните о Курилко. Надо будет – вызывайте самолет. Умеете обращаться с немецким автоматом?

– На курсах мы изучали все образцы оружия противника.

– Гранаты лучше взять наши, я дам свои. А сейчас – поспешите. Я не хиромант, но у выезда из села вас может встретить начштаба.

Он подал Баженову автомат и пять магазинов к нему, дал бинокль и гранаты.

– Сухой паек, еда и все остальное – уже в радиоавтобусе. Минуту. У меня еще личная просьба. – Сысоев болезненно

сморщился, помолчал. – На вашем пути находится село Очеретяное. Будете там – узнайте, не живет ли в доме учителя Вовк его дочь Елена с сыном… жена моя и сын. Владик. С начала войны – ни писем, ни весточки…

– Непременно разузнаю, – горячо отозвался Баженов.

– В конце радиосводки – три слова: «Сысоеву – обнаружил порядке»… или «Сысоеву – не обнаружил». Все! А сейчас – бегом к дежурке.

Баженов бросился к дверям.

– Помните! При стрельбе длинными очередями автомат ведет вправо!

5

Разноцветный, как цирковой фургон, тяжелый автобус – радиостанция на трех парах колес, сильно кренясь то вправо, то влево, мчался по фронтовой дороге. На обочинах, почти через каждые двести метров, кучками лежали немецкие противотанковые мины. По рыхлым впадинам на дороге можно было видеть, откуда они вынуты. Дорога была минирована с немецкой педантичностью, и это позволяло с той же точностью ее разминировать.

Радиоавтобус проезжал через сожженные села, где на дымящихся пепелищах торчали оголенные белые печи. Часто встречались опрокинутые машины, разбитые повозки, убитые лошади, ящики с гильзами от снарядов, кое-где валялись трупы гитлеровцев. Черно-зеленые немецкие орудия, брошенные на огневых позициях, все еще целились на восток.

Юрий Баженов сидел рядом с шофером и смотрел вперед. На шее висел бинокль. Правой рукой он придерживал автомат на коленях, а левой держал на автомате планшетку с картой, на которую то и дело поглядывал.

Сначала за «воздухом» наблюдали из автобуса, для чего заднюю дверь держали открытой. Но за машиной вихрилось густое облако пыли, и радисты закрыли дверь.

Заслышав гул самолета, Баженов приоткрывал дверцу и

высовывался. Время от времени он нетерпеливо спрашивал шофера:

– Ты что, молоко везешь?.. Ползешь, как черепаха… Что, газовать разучился?

Еще в начале пути немногословный сибиряк объяснил, что машина тяжелая, перегруженная, а рессоры мягкие, и потому нельзя быстро ехать по такой дороге. На все дальнейшие замечания и уговоры, именно уговоры, а не приказания, шофер упорно отмалчивался и лишь недоуменно, искоса, взглядывал на чрезмерно ретивого лейтенанта.

Когда же лейтенант разъярился и приказал:

– Жми на всю железку, а то сам сяду за баранку, – шофер погнал.

Дорога была сухая и сильно выщербленная. На ухабах, выбоинах, неровно засыпанных воронках машину подбрасывало и кренило с бока на бок. Потом она натужно выпрямлялась и так подпрыгивала, что Баженов, как ни упирался ногами, неизменно ударялся головой о крышу кабины. В стенку застучали, и майор из разведотдела попросил «от имени радистов» ехать потише. Баженов выругал «чертовы рессоры», приказал сбавить ход и замолчал огорченный.

Вскоре догнали стрелковый батальон. Он шел в колонне. Навстречу ехала санитарная машина. За всю дорогу одна. «Не слишком кровопролитные бои», – решил Баженов.

Вот и развилка дорог. На обочине – куча немецких противотанковых мин. Окопчик. Несколько трупов гитлеровцев

без шинелей и сапог. Противотанковое орудие с задранным в небо стволом, опрокинутый немецкий пулемет с треногой.

Снова ехали по задымленным полям и перелескам. День был теплый, сухой, не ветреный. Баженов невольно подумал, что лучшую погоду для охоты на вальдшнепов трудно себе представить, и усмехнулся своей мысли.

А Сысоев, наверное, сказал бы иначе: «Превосходная видимость», «летный день», «условия разрешают движение вне дорог…» Сысоев и деревню называл «населенным пунктом», и реку не рекой, а «водным рубежом». Привычка мыслить по-военному стала его второй натурой, и Юрий Баженов искренне завидовал ему. Он восхищался Сысоевым еще с первой встречи с ним. А сегодня он раскрылся еще и по-новому. Подумать только: совсем недалеко жена и сын, и неизвестно, что с ними, а Сысоев сохраняет такое спокойствие, так невозмутим! И не от холодности это, а от большой силы и сдержанности.

Баженов давно понял огромную разницу между собой, человеком глубоко гражданским, и кадровым офицером Сысоевым, настоящим военным. Он, Юрий Баженов, решил: если придется умирать, так с музыкой. Как человек азартный, увлекающийся, он полагал, что на войне человек становится либо титаном, либо пигмеем. Середины он признавать не хотел. Втайне он мечтал о подвиге, и в этой его мечте было еще много по-детски наивного.

Бежала перед глазами военная дорога, бежали перед взо-

ром картины прожитого.

…Первая встреча с Сысоевым под Москвой в суровую зиму сорок первого года… Первые раздумья о войне как науке… Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел», где он окончил курс комбатов, а затем курс командиров полков. И где ему, ранее не аттестованному, присвоили звание лейтенанта, хоть среди окончивших с ним курс комполков не было никого в звании ниже майора… Архангельский военный округ, где Баженов, знаток новых уставов, занимался с командирами резерва. Мечтая и надеясь, что его вот-вот вызовут в отдел кадров и вручат предписание на фронт. Но его не вызывали. Через три месяца он послал телеграмму в семьдесят два слова начальнику отдела кадров Наркомата обороны: затем ли он овладевал военными знаниями, чтобы преподавать уставы в тылу?! Через сутки его отправили на фронт, а через неделю он попал в госпиталь.

…И вот здесь, два года спустя, он снова встречает Сысоева. Воистину мир тесен.

6

Юрий Баженов катил вперед, навстречу далеким орудийным выстрелам, лишь изредка поглядывая на карту. На всем пути, на развилках и поворотах, маячили одинаковые деревянные стрелы на шестах с лаконичной надписью готическим шрифтом «Мюллер».

«Этот Мюллер двигался, должно быть, по тому же пути, что и мы, – подумал Баженов. – По-немецки «Мюллер» – мельник. Мюллеров в Германии не меньше, чем Мельниковых в России. Интересно, кто такой этот Мюллер?»

Радиоавтобус подъехал к пепелищу. «Ефимовка», – установил Баженов по карте. Рубеж, названный утром начальником штаба. Было безлюдно: отряд уже ушел вперед. Майор Андронидзе указал на «виллис», укрывавшийся под вербами у пруда, метрах в двухстах отсюда. Баженов огорчился, что не он первый заметил машину – нет еще у него «военного глаза». Подъехали к «виллису». Баженов обрадовался заместителю начальника оперотдела подполковнику Синичкину, как родному. С ним были радистка с рацией и автоматчик.

Баженов доложил о задании. Подполковник Синичкин – худощавый, слегка сутулый – своей невнятной скороговоркой сообщил, что противник откатывается, подготовленных рубежей у него нет, попытка задержать наши части успеха не имеет. Наши части устали, но стремятся к Днепру, чтобы

не дать уйти живой силе противника. На отдельных участках, вне дорог, наши части ушли дальше противника. Где наши, где фрицы – не сразу разберешься. Он, Синичкин, поехал было вперед по дороге, но в трех километрах отсюда его обстреляли из леса. Подполковник показал на карте, где это случилось. Пусть лейтенант Баженов продолжает выполнять задание, уточнит обстановку и радирует ему. Он останется здесь, чтобы обеспечить бесперебойную связь на дальних расстояниях.

Лейтенант Баженов возразил было, что начштаба приказал ему радировать прямо в штаб. Подполковник рассердился и повторил свое приказание – радировать только ему; он запрещает лейтенанту вступать в пререкания. Может, у журналистов дискуссии и приняты, но в войсках запрещены.

Баженов стал мучительно соображать – как же подполковник Синичкин собирается координировать действия частей, не имея с ними связи, не зная обстановки? А не боится ли, попросту, подполковник ехать вперед? Или, быть может, он не имеет права рисковать?..

«Ну, черт с тобой! – подумал он, – придется, видимо, дублировать донесения: и тебе, и в штаб». А вслух он отчеканил уставное «разрешите выполнять?» и, получив разрешение, поехал дальше.

Теперь карта лежала на коленях у Баженова, а в руках он сжимал автомат. Он то и дело передвигал хомутик прицельной рамки в зависимости от объекта, где он предполагал вра-

га. Офицеры в машине были предупреждены. Автоматчик стоял на левой подножке, следил за воздухом.

На подъезде к лесу и в лесу их не обстреливали. Поехали полем, перелесками. Перед крутым холмом, точнее – грядой, в которой была проложена дорога, стояло три машины, впереди – грузовая, за ней две санитарные. Рядом толпились шоферы, два офицера, санитарки. Поровнявшись, Баженов велел остановиться и спросил, из-за чего задержка. Подошел коренастый пожилой старшина. Оказалось, они остерегаются ехать дальше, так как на обочинах не видно вынутых немецких мин. Непонятно: то ли дорога не минирована, то ли не успели разминировать?

– Но ведь части, повозки, артиллерия – прошли, – заметил Баженов. Подошли офицеры.

– Лошади не машины! – заметил врач-майор. Остальные молчали.

Саперный капитан Помяловский, не ожидая приказа, вернулся к автобусу, достал миноискатель и пошел с ним вперед. Дорога прорезала высокий холм так, что отвесные стены поднимались метров на десять. По обе стороны окаймляли ее недавно вырытые глубокие канавы, исключающие объезд. Кому-то здесь вздумалось заставить машины двигаться только по колее; это настораживало.

Всмотревшись, Баженов обнаружил на дороге совершенно свежий след автомашины. Он показал его старшине с грузовой машины, вернулся в автобус и приказал своему шофе-

ру ехать.

У шофера сразу посуровело лицо, и взгляд стал напряженным. Он повел машину так, что колеса не попадали в колею, а шли рядом с ней, и машину начало сразу подбрасывать. В стену забарабанили. Баженов подумал, что зря шофер перестраховывается. Ведь только что здесь явно прошла машина, где-то впереди проследовала и артиллерия, к тому же вот там в сотне шагов идет с миноискателем Помяловский. И все же Баженов промолчал: пожилой шофер внушал уважение.

Они уже съезжали с холма, приближаясь к Помяловскому, поджидавшему их на дороге, как позади раздался мощный взрыв, и автобус встряхнуло.

Автоматчик спрыгнул на землю. Баженов выскочил из кабины и оглянулся. Авиабомба? Но небо чисто. Мина? Но автобус-то проехал!.. А может, это то самое новое оружие, на которое намекал Сысоев?

Ехавшая за ними машина осела на задние скаты. Дым медленно рассеивался.

Офицеры высыпали из автобуса.

– Мина! – крикнул им прибежавший Помяловский. Одновременно с Баженовым подошли они к разбитой машине.

Мина взорвалась почему-то не под передним, а под задним скатом. Кузов разворотило, груз разбросало.

Баженов и Помяловский извлекли из кабины старшину и шофера. Старшина был, видимо, контужен, ему оторвало руку; шофер оказался мертвым. Старшине перевязали жгута-

ми плечо и забинтовали. Он был в сознании, и Баженов отметил, что он не стонал, не кричал, лишь кряхтел.

Пока солдаты рыли могилу убитому шоферу, Помяловский осматривал место взрыва. Баженов увидел не обычное углубление для мины, а круглый колодец глубиной более полуметра и шириной сантиметров тридцать – с противотанковую мину.

Колодец был сверху разворочен взрывом, но в глубине стенки сохранились. Баженов вслух удивился такой глубине колодца для мины, Помяловский в ответ только пожал плечами. Он сходил за железным щупом и вскоре обнаружил неподалеку еще одну противотанковую мину. По ней только что проехал их автобус…

Помяловский велел всем отойти подальше. Баженов остался и помог ему снять слой почвы, покрывавший мину в деревянной оболочке, и осторожно обнажить все устройство.

Мина была оснащена элементом неизвлекаемости, и под ней лежала еще другая мина с таким же элементом, под той – еще одна и еще. Всего тут оказалось пять мин одна под другой. Это было нечто новое!.. Лежа на земле, они всматривались в это адское сооружение, пока не разгадали его нехитрую механику.

Предохранительной чекой служил кусок довольно толстой медной проволоки. Нажмет на такую мину проезжающая машина – замок слегка надкусит медную проволоку, и та потеряет часть прочности; вторая машина проедет – еще надку-

сит… проедет третья – медная проволочка лопнет, и взрыватель сработает.

Баженов и Помяловский замерили и срисовали это устройство. Видимо, для их автобуса, второй или третьей машины на этой дороге, час еще не настал.

Обезвредив мину, они тронулись дальше. Миновали разрушенную Комиссаровку и почти не тронутую Самойловку.

Шофер гнал машину, надеясь, видимо, в случае чего «проскочить». Баженов был в напряженном ожидании: вот сейчас! Вот сейчас взорвется мина и… Перед его глазами стояло развороченное тело шофера и глаза старшины, обращенные к нему. Баженов постарался успокоиться, но когда мотор чихнул, он мало сказать вздрогнул – подпрыгнул и больно ударился головой о потолок кузова. Это его разозлило, и он перестал бояться.

Перевалив бугор, шофер вдруг газанул, резко свернул вправо и остановил автобус за уцелевшей стеной сгоревшего сарая.

– Фриц! Возле танка! – прошептал он и уставился на лейтенанта – неужели тот не заметил?

Баженов сунул карту в планшет и с автоматом в руках выскочил из кабины. Шофер тоже вышел и, подойдя к краю стены, показал пальцем. Слева у дороги стоял подбитый немецкий танк. Рядом копошился человек.

Сзади к Баженову подошел Андронидзе, поглядел в бинокль, определил:

– Гражданский. Похоже, раздевает трупы фашистов. Что делать будем? – Андронидзе с интересом поглядел на Баженова.

Баженов молча смотрел на горестные остатки села. Только голые, закопченные печи на месте домов. Он вспомнил, что не послал донесения из Ефимовки. Впрочем, подполковник Синичкин, наверное, уже сообщил, что в Ефимовке нет передового отряда.

Баженов набросал донесение: сообщил, что достиг Очеретяного (считали, что это село еще у противника), и упомянул о новой системе минирования дорог. Передал донесение шифровальщику и приказал радистам передать его в штаб и подполковнику.

7

Пока шифровальщик, невысокий, смуглый капитан Авекелян, удалив всех из машины и поставив у дверей своего автоматчика, кодировал донесение, Баженов и Андронидзе двинулись к танку. Они подошли шагов на двадцать, и Баженов окликнул мужчину. Тот повернулся, да так и замер. Затем вскочил и с воплем «свои, свои» кинулся к офицерам.

– Боже ж мой, – кричал он, заливаясь слезами. – Почему армия не пришла три часа назад?!. Ну всех, всех фашисты поубивали. Идут и стреляют, идут и стреляют. Вывели мою бедную жену на двор, вывели сына, дочку, и вижу – в жену стреляют. Сердце мое разрывается. Вижу, в моего дорогого сына тоже стреляют, и он кричит. Ой, горенько!..

Баженов стал успокаивать мужчину, но Андронидзе отнесся к его рассказу с недоверием. Он спросил, как его звать, откуда он и каким образом уцелел, если всех убивали.

Из сбивчивых его ответов выходило, что он нездешний, эвакуировался еще в сорок первом году из города, находившегося на правом берегу Днепра. Жил здесь, а когда расстреливали его семью, он случайно находился в погребке и наблюдал все это через щель в дверце.

– Кто может это подтвердить? – спросил майор.

– Неужели вы мне не верите?! Брезгливо морщась, Андронидзе обыскал его, развязал узел с одеждой, и во френчах

обнаружил часы, электрические фонарики, военные немецкие документы.

– Возьмите себе. Я спешил, даже не заглянул в карманы, – сказал задержанный.

– Это Очеретяное? Очеретяное? – вдруг поспешно спросил Баженов, будто ему требовалось подтверждение, будто не он писал в донесении – «Очеретяное». Только сейчас он вспомнил о просьбе Сысоева, и все, рассказанное мужчиной, вдруг обрело для него новый, страшный смысл.

– Ну да, Очеретяное, а что? – спросил мужчина.

– А вы случайно не знали учителя Вовка?

– Слышал о таком.

– А где он жил?

– Этого я не знаю.

Андронидзе жестом потребовал тишины, и Баженов прислушался. Откуда-то издалека донесся плач и причитания женщин.

Андронидзе показал пистолетом в ту сторону и приказал мужчине:

– Иди вперед!

Мужчина неохотно повиновался. Очень скоро у разрушенной церкви они увидели женщин. Баженова поразили глаза одной старухи – строгие, исступленные. Увидев офицеров, она подошла к ним, а узнав мужчину, закричала:

– Стреляйте его, подлюгу, стреляйте!

– Что вы, Мария Ивановна! Я семью потерял, а вы меня –

стрелять?!

– Мы вже били його. Утик! Стреляйте, кажу, а то дайте мени пистолет, я сама… Вы тильки гляньте: та хиба воно похоже на людину? Гнида, и та краще. Ой, лишенько! – Она стиснула голову руками. – В сели було сорок здоровенных отаких, як вин, сильных як бугаи, чоловиков, а гитлеровцев, що подпаливали та стреляли, було всего-навсего десятеро. Вы чуете – десять! И ходит ця десятка, и подпалює, и стреляе, а вси мужикы – як вивци! Их стреляють, а воны голову подставляють або ховаются. Чи то не позор! Та взяли б и кинулись вси, як один, на ворогив. Ну нехай двадцать полегло, так скильки бы спаслось! Село б спасли! Боже ж мий, а вони – як оця паскуда! – Женщина показала на мужчину. – Ридных убивають на його очах, а воно сховалось, баче, як убивають, а боится заступиться. Нехай убивають и жинку, и сына! Абы самому выжить. Ах, сволочь, – и женщина, подбежав к мужчине, стала бить его кулаками и пинать.

Ее и остальных женщин еле удалось унять.

– Скажите, Мария Ивановна, вы не знали учителя Вовка? – спросил Баженов.

– Прокипа Федоровича? Вин же всем нам був як батько!

– Где же он? Где его дочка с сыном?

– Ой, голубе, не було их з нами, нема их в живых!

– А может быть, Вовк и его дочь с сыном тоже спаслись?

– Та вы що? Гляньте кругом. Кажу ж вам, тильке мы спаслись, та старый дид.

– Вы что-нибудь знаете точно?

– Писля того, як гитлеровец стукнув прикладом Прокипа Федоровича по голови, тому уже мисяцев висим, у нього виднялысь ноги. Я казала Лели, тикайте до лису. А вона – не можу я кинуть хворого батька. От и осталась…

– Где ж они, где?

– А вы хто им будете?

– Мой друг – муж дочери Вовка.

– Кажу вам, нема в живых ни Лели, ни сына. Спалили их! Тильке дид, батько Вовка, остався.

– Покажите их хату!

Старый-престарый дедок, сидевший на поваленных воротах, прошамкал:

– Один тильке я, бидолаха, застався у живых. Шо там взрослых, дитей и тих, иродови души, загубили!..

Единственное, что уцелело, были большие дубовые ворота, лежавшие на земле. На них мелом было выведено: «Мюллер». Стрелка показывала на запад.

8

Офицеров окликнула рослая, сильная и очень властная с виду пожилая женщина с сухими сверкающими глазами. Она назвала себя Солодухой.

– Чи пиймали Мюллера? – спросила она. – Так шо если пиймали, зменяемо наших двоих на нього. И тогда мы сами, селянки, расквитаемось з Мюллером. Кат из катов! Уси пожары – дело его рук. Уси грабежи, уся кровь – усе через нього, чертова Мюллера! Мы вам за нього наших двох отдадим.

Оказалось, что женщины каким-то образом сумели взять в плен двух гитлеровцев. Они их держали в подвале. Пленные – сержант и унтер-офицер – были связаны. У них вынули изо ртов кляпы, развязали их и стали задавать им вопросы.

– Из какой дивизии? – спросил Баженов по-немецки.

Не успели они ответить, как вспыливший вдруг Андронидзе кинулся на сержанта и закричал:

– Зачем прикидываешься немцем, сволочь продажная, предатель! Не спрячешься. Ну? Не будешь отвечать, застрелю, как собаку!

– Ка-ак! Русский?! И меня обдурил! – Солодуха бросилась на пленного.

Баженов и Андронидзе еле высвободили его из рук разъяренной женщины.

– Товарищи, не виноват!

– Кто тебе здесь товарищ, подлюка?!

– Не виноват! Вот, ей-бегу, все случайно! Пришлось надеть немецкую форму: ведь хотел бежать к своим. Другого пути к освобождению не было!

– Молчать! – бросил Андронидзе и обратился к женщине: – Расскажите, как вы их задержали.

– Гитлеровцы начали отступать, – взволнованно заговорила женщина. – Эти двое зашли в мою хату. Тогда еще село не горело. Искали еды. Искали мою дочку, она пряталась в сарае. Я испугалась, что найдут и снасильничают, и решила их угостить. Самогоном. Когда окосели, оглушила, связала. Дочка помогла перетащить их в подвал.

Пленные стояли, с тупым равнодушием глядя в пространство. Андронидзе расстегнул планшет и приготовился к допросу. Баженов внимательно вглядывался в лица пленных, прикидывая, что могло быть им известно – помимо стереотипных данных – о новом оружии Гитлера.

И тут подошла к Баженову седенькая, тоненькая, как подросток, старушка с растрепанными волосами. Казалось – дунь ветерок, и она упадет. В руках у нее был букетик ярко-красных искусственных роз на стеблях из проволоки, обмотанной зеленой бумагой, с зелеными же листочками, вырезанными из перьев.

– То огонь, огонь! – выкрикивала старушка, перебрасывая алый букетик из одной руки в другую, будто жег он ей пальцы.

– Бери цей огонь, – протянула она букетик Баженову, – верни його катам проклятущим! Пусть сгорят их души…

Безумный взгляд старухи встретился с глазами Баженова. Букетик дрожал и прыгал в ее руках, и сама она дрожала, протягивая его офицеру. Он взял этот алый букетик, и в горле у него застрял какой-то ком; он только кивал в такт старушкиному «то огонь, огонь» и не мог ни слова сказать.

В это время один из пленных, тот, что был русским, в два прыжка выскочил на улицу и кинулся наутек. Он петлял, падал, прыгал, падал и снова вскакивал. От неожиданности Баженов забыл об автомате, висевшем на плече, стрелял из пистолета и не попадал.

Андронидзе схватился за автомат Баженова. Тот, кривя губы, вырвал свой автомат, перевел дух, прицелился как мог хладнокровнее и выпустил короткую очередь.

Беглец споткнулся и упал, приподнялся и пополз. Задыхаясь, Баженов и Андронидзе побежали к нему, совершенно забыв о втором пленном.

Предатель, помогая себе рукой, быстро подползал к толстому дереву. Он поднял руку – возле уха Баженова свистнула пуля. Баженов влепил еще одну очередь в предателя. Тот упал на спину.

– Эх, ишак! – раздосадованно вскрикнул Андронидзе и даже схватился рукой за автомат Баженова. – Ну зачем стрелять в голову? Какой источник сведений пропал! – И, не переведя духа, с уважением добавал: – Молодец! Точно стре-

ляешь!

Он обыскал убитого, взял у него карту, пистолет «вальтер», снял широкий холщовый, засаленный, тяжелый пояс с золотом, спрятанный на теле, под нижней рубахой, в котором среди прочего обнаружились золотые коронки, кольца, браслеты и семнадцать ручных часов.

Второго пленного тесным кольцом обступили женщины. Они собирались «порешить подлюгу фашиста». Андронидзе приказал пленного не трогать. Он пойдет с ними.

До самого автобуса их провожала Солодуха. Она все настаивала, словно опасаясь, что они это забудут:

– Я вам его поймала, я! Если поймаете Мюллера, то отдайте нам…

Шифровальщик вручил Баженову приказ начштаба – быстрее двигаться вперед. Подполковнику Синичкину Авекелян не смог передать донесения, так как шифровальщика у полковника не было, а коды у них различные. Баженов попробовал связаться по радио с подполковником и клером[5] объяснить ему это, но связаться не удалось. Надо было двигаться вперед.

«Подполковник и сам догадается, почему не радирую», – решил Баженов.

Перед тем как сесть в машину, он тронул Андронидзе за плечо и, хмурясь, напомнил:

– Сысоев сказал так: если обнаружишь семью, то радируй,

[5] Клер – «открытый», прямой (незашифрованный) текст.

если нет – тоже сообщи. А семья, похоже, погибла. Так и радировать?

– Зачем? Думаешь, шинель делает сердце железным? Год я с ним дружу, а он ни разу не жаловался. Радируй – «не обнаружил». Вернемся, поговорим. Поймет.

9

За селом орудийные выстрелы слышались явственнее. Шофер вопросительно поглядывал на Баженова. Тот молчал. Вскоре они увидели у дороги наши орудия. Бойцы, кое-как окопавшись, спали. В лощине, в кустах, стояли повозки, на них минометы. Рядом паслись лошади.

Баженов и остальные офицеры вышли из машины. Их ожидала группа офицеров во главе с майором. Он был немолод и сдержан. Баженов назвал себя.

Майор кивнул Андронидзе, как знакомому.

– Командир передового отряда – майор Тарасов, – сказал он. Затем представил других.

Баженов объяснил свою задачу и спросил, почему майор Тарасов не шлет донесений, почему отряд задерживается.

– Значит, моего боевого донесения, посланного с санитарной машиной, комдив еще не получил, – задумчиво сказал Тарасов. – А радиограмм не посылаю – рация отказала. Головная походная застава моего отряда в двух километрах отсюда ведет бой с танками и пехотой противника. Встречный бой перешел в оборону с той и другой стороны. Моя застава заняла рубеж по восточному берегу речки Гнилушки. «Тигры» атакуют из леса. Пехоту противника рассеяли.

Баженову очень не нравилось это «пехоту рассеяли», попадавшееся в сводках. «Уничтожили» – это ясно, а «рассе-

яли»? Пехота рассредоточилась, вот и все. Нашел, чем хвастать.

– Как только саперы наладят разрушенный мост, чтобы могли пройти танки, артиллерия, повозки, сейчас же выступаю, – снова заговорил Тарасов. – А сейчас я почти всю свою артиллерию отправил вперед, чтобы огневым кулаком сломить сопротивление и двигаться дальше. Разведчики пошли в обход справа. А пока, – он показал на спящих в цепи бойцов, – люди отдыхают. В деревнях на большаке – ни сена, ни зерна, все сожжено; наши лошади на подножном корму. Полчаса назад мы отбили у немцев стадо коров и отдали его колхозникам. Они загнали скот в лес. Мы добили хромого быка и варим еду. Скоро будет готова. Не закусите с нами?

– Не помешает, – Андронидзе взглянул на Баженова.

– Не считайте меня сухим педантом, – сказал Баженов, – но ведь до Гнилушки путь свободен! Там и заправимся, чем АХО расщедрилось. А если противника гонят дальше?

– Мне бы донесли, – возразил майор Тарасов. – Сейчас кухня отправится кормить бойцов на головную заставу, там и поедите.

Баженов торопил своих радистов, сразу же занявшихся ремонтом тарасовской рации. Один из них отозвал Баженова в сторону и сказал:

– Сверху только сейчас сообщили: перехвачено сообщение «Рамы», которое та вела клером. «Рама» указала координаты, в которых движется штабной автобус. Я проверил –

речь идет о нашем автобусе. «Рама» вызывала самолет, чтобы нас долбануть, учтите.

– Учту! Сообщите всем нашим, и пусть пулеметчик будет наготове.

Баженов снова подошел к радистам:

– Как успехи, короли эфира?

– Накрылась рация!

– Рация капут!

– Сколько у нас раций?

– Три.

– Временно передайте одну майору.

– Товарищ лейтенант, обратно не получим! Возьмите расписку.

– Пишите расписку, товарищ майор, на рацию и на два комплекта питания, чтобы вы на антенне могли держать с нами связь на шестнадцать километров.

– Расписку радистам мой начштаба даст. За рацию спасибо, – вяло сказал Тарасов. – А почему вы сказали о связи на шестнадцать километров? Вы же будете двигаться с нами.

– С тобой, дорогой, только шашлык готовить можно, – усмехнувшись, заметил Андронидзе. – Наш автобус помчится вперед, прокладывая путь твоим танкам, артиллерии и пехоте. – И уже серьезно он спросил: – Почему двигаетесь по большаку? Держу пари, если бы шли проселками, давно были бы у Днепра.

– И попали бы в окружение.

– Да? Очень интересно! Понимаешь, давно не слышал таких благоразумных речей. Это только у тебя такое настроение? – Андронидзе многозначительно взглянул на Баженова.

– Да ты что, шуток не понимаешь? – майор покраснел. – А двигаюсь я по большаку потому, что именно захват большака обеспечивает быстрое продвижение частей нашей дивизии к Днепру, понятно?

– Вы, товарищ замполит, такого же мнения? – обратился Баженов к капитану.

– Мне бы не хотелось, чтоб у вас сложилось неправильное представление о настроении командира и бойцов. Во-первых, майор Тарасов сам сказал, что он шутит. Согласен, что такая шутка в серьезном разговоре неуместна. Наступательный порыв у бойцов очень большой. Могу показать боевые листки, сами убедитесь…

– Верю вам, – сказал Баженов.

– Устали, конечно. Может быть, действительно лучше наступать проселками, но мы выполняем приказ комдива.

– Познакомьте нас с приказом, с вашими решениями, – предложил Баженов. – Если ваша ГПЗ[6] не продвигается и долго топчется на месте, значит, вы допустили просчет.

– Да мы здесь не долго, – вмешался Тарасов, – мы здесь только пятнадцать минут.

Андронидзе, выслушав сообщения о противнике («десять танков и до батальона пехоты»), с сомнением покачал голо-

[6] ГПЗ – головная походная застава.

вой.

– Авиация, – сказал он, – таких соединений не отмечает. – Узнав о двух пленных, он пошел допросить их.

Баженов передал боевое донесение в штарм и занялся с командиром и его начштабом. Документация, кроме приказа комдива, отсутствовала. Все приказания, в частности головной походной заставе, майор отдавал устно, и начштаба только сейчас срочно заносил их на бумагу. Немногословный, средних лет капитан чуть насмешливо поглядывал на чрезмерно требовательного, по его мнению, представителя штарма.

10

– А как действуют эти три танка? – спросил Баженов, ознакомившись с составом тарасовской ГПЗ.

– Танки? – майор растерянно смотрел на Баженова. – Два из них потеряны, когда выбивали гитлеровцев из села.

– Каким образом? Мины? Или танки противника? Артиллерия?

– Мины…

– Но это же черт знает что! Зачем же вы пустили танки без саперного обеспечения? Без пехоты!

– Выясним. А может, это была артиллерия. Там сейчас наш командир разведки. Обязательно выясним!

…Вместе с начальником штаба составили план изучения боевых действий передового отряда, и капитан обязался представить отчет не позже чем послезавтра с картами и схемами.

– Не пора ли нам, товарищ начальник? – спросил подошедший Андронидзе и добавил: – Бумажки заедают дорогое время.

Баженов заторопился. Надо было составить кодовую таблицу для связи передового отряда с радиоавтобусом. Оказывается, шифровальщик уже составил ее и передал майору Тарасову.

Радиоавтобус двинулся дальше. Теперь на левой ступень-

ке кабины стоял Андронидзе, наблюдавший за небом, справа Помяловский, всматривавшийся в дорогу.

– Фашист! – крикнул Андронидзе, показывая в сторону леса.

Прямо на них, из-за леса, на бреющем полете вынесся немецкий истребитель. Он промчался быстро и низко. Промелькнули над головой черные кресты на крыльях, и не успел еще стихнуть рев мотора, как позади оглушающе грохнуло.

Завизжали осколки. Глухо стукнуло в стену автобуса, кто-то вскрикнул. Завихрилась пыль и сухие листья. Шофер погнал автобус в лес; миновав опушку, быстро свернул влево, под старые дубы, и затормозил.

Все высыпали из автобуса. Осколки пробили крышу, дверь, стенку машины.

– Жизнь – индейка, судьба – копейка! – засмеялся Андронидзе.

Глядя на него засмеялись и другие.

– Вернется, черт, нас догонять. Надо достойно встретить дорогого гостя!

Андронидзе приказал радисту, чтобы тот подал ему из автобуса противотанковое ружье и «зажигательные».

Баженов послал пулеметчика на опушку и, отобрав противотанковое ружье и патроны у Андронидзе, побежал туда же.

Ох, как хотелось Баженову влепить в самолет пулю с зе-

леным наконечником! Как хотелось увидеть, что истребитель загорелся и, оставляя длинный шлейф, камнем падает вниз…

Звук снова запоздал. «Фашист» вынесся так же стремительно, и снова над большаком, и снова на бреющем полете.

Пулеметчик, привязывавший пулемет к дереву, запрокинул ствол кверху и принялся стрелять, когда самолет только показался.

Баженов вскинул противотанковое ружье, как охотничье, и тут только почувствовал, какое оно тяжелое. Выстрелить он не успел.

«Фашист» с шумом промелькнул мимо.

– Глупо и обидно, – пробормотал Баженов.

– Дал прикурить! – Андронидзе хлопнул пулеметчика по плечу и выбежал на дорогу, чтобы проследить за истребителем, но тот уже исчез за верхушками деревьев.

– Лучше бы я, – начал было Андронидзе, но, увидев огорченное лицо Баженова, вдруг сказал: – Прелестная вещь – крупнокалиберный пулемет! Обязательно надо иметь его на радиоавтобусе.

Выехали в поле.

Шофер гнал автобус, чтобы поскорее юркнуть в лесок за полем. Теперь и Андронидзе, и Баженов, и Помяловский смотрели в небо, которое быстро затягивалось тучами. Из-за туч снова вынырнула «Рама» и быстро юркнула обратно. Следом выскочил наш ястребок. Второй летел под облаками.

Непосредственная опасность миновала.

Вскоре подъехали к небольшому, мало разрушенному селу. Здесь было много тополей, верб, фруктовых деревьев. Изредка разрывались снаряды. Андронидзе указал шоферу на коровник, за которым лучше всего было укрыть автобус. «Мюллер» было написано на стене.

11

К речке пошли четверо: Баженов, Андронидзе, Помяловский и радист. У берега горело несколько хат – никто их не тушил. Село было безлюдным. Автоматчик проводил их к командиру головной походной заставы.

Рослый старший лейтенант в пыльной, потной, выцветшей гимнастерке, с пистолетом в кобуре и автоматом, свисавшим с плеча, стоял на высоком берегу речонки и распоряжался саперами, возившимися у покосившегося моста. Тут же на берегу, в низине за толстыми вязами, стоял легкий танк. Возле него прохаживался командир в кожаной куртке и шлеме. Он окинул изучающим взглядом появившихся офицеров и, приняв Андронидзе за старшего, обратился к нему:

– Да разве может танк перейти по такому мосту? Только сунулся, а он – как карточный домик! Еле успел дать задний.

– Незачем строить мост на сваях, лучше гатить реки бревнами от хат, – громко сказал Помяловский. – А чтобы не унесло, забить сбоку колья. В крутых берегах прорыть спуски.

– Ну и возьмись сам. Мне не советы, мне мост нужен! – крикнул старший лейтенант, обернулся и удивился, увидев незнакомых офицеров.

Баженов спокойно посоветовал прислушаться к словам капитана Помяловского.

– Орудия и автобус, – сказал Помяловский, – можно переправить через реку, уложив два бревна для правой колеи и два для левой. А чтобы бревна не потонули, подложить под них концы других бревен. Где лошади? Можно танкеткой подтащить бревна от избы.

Работа началась.

Командир доложил Баженову, что в лесу, который был виден отсюда, – немцы. Сейчас там насчитывают десять «тигров». А с краю леса, у дороги, – батарея противника, препятствующая продвижению нашей пехоты. Пехота вынуждена была отойти по эту сторону речонки. Пока моста не будет, танк и артиллерия не смогут пройти.

– А сколько у противника пехоты? – спросил Баженов.

Старший лейтенант передернул плечами, помолчал и уверенно сказал:

– До батальона…

– А может быть – полк? – спросил Баженов.

– Может быть!

– А если рота?

– Трудно сказать, – произнес старший лейтенант. – Группа разведчиков отправилась в направлении Медведовка, – он показал рукой на лесок справа, – жду донесений.

Мимо них со скрежетом пронесся снаряд, разорвался где-то позади. Все сбежали с высокого, видимо, насыпного берега.

– Это его артиллерия бьет из леса возле дороги, – старший

лейтенант показал откуда.

Баженов внимательно всматривался вперед.

За речонкой расстилалось поле, за полем чернел лес. До леса было километра полтора, но левее лес подходил к речке метров на сто.

Как объяснил старший лейтенант, пехоту противника выбили из села без потерь.

– Танки противника отошли в лес и заняли оборону на опушке. Выходят поодиночке на поле и стреляют. Начнет наша артиллерия бить по ним – уходят в лес!

– Почему же они, интересно, выходят поодиночке? – задумчиво спросил Андронидзе.

– Как зачем? Контратакуют.

– Без пехоты? Какая же это контратака!

– А что же это?

– Демонстрация, – уверенно сказал Андронидзе. – Только с какой целью? Вы как оцениваете?

– Как? Мешают движению моей пехоты.

Баженов увидел, как на опушке леса, находившегося в полутора километрах от них, засверкали, слепя глаза, солнечные зайчики.

– «Тигр», – уверенно определил Андронидзе, следя в бинокль за танком, выходившим из леса.

«Тигр» остановился, блеснуло пламя, невдалеке разорвался снаряд.

– Беспокоящий огонь, – насмешливо определил Андро-

нидзе.

Возле танка начали рваться снаряды, он, пятясь, скрылся в лесу.

Подошла группа артиллерийских офицеров во главе с капитаном, командиром дивизиона. Он доложил, что прибыл поддержать головную походную заставу, попросил объяснить обстановку и поставить задачу.

– Задача одна: надо уничтожить артбатарею противника в лесу у дороги и уничтожить танки, – сказал командир ГПЗ.

– Батарею уничтожить могу, танки – сложнее. Укажите рубежи.

Из другой части леса, южнее, вышел второй танк, выстрелил несколько раз, а когда рядом начали ложиться снаряды, ушел в лес.

Андронидзе, прислонившись плечом к стволу старого явора, наблюдал в бинокль за «тиграми» и поглядывал на часы.

Баженов спросил старшего лейтенанта, удалось ли обезвредить минные поля.

– А тут их не было. Гитлеровцы не успели заминировать.

– Но ведь танки, утверждает майор Тарасов, подорвались на минах?!

– Я вначале тоже так думал. Но слишком уж сильно разнесло их. Одни осколки. Скорее можно предположить, что боеприпасы в танке взорвались.

– Любопытно взглянуть. Дайте автоматчика, пусть меня

проводит.

12

– Вот, – сказал автоматчик, когда они подошли к хате с развороченными стенами и сорванной крышей. Плетень был развален, фруктовые деревья поломаны. Под Москвой и на Калининском фронте Баженову приходилось видеть много мертвых танков. Одни подорвались на минах, в другие попали авиабомбы; были машины, сожженные бутылками с горючей смесью и подбитые снарядами, у иных взорвались боеприпасы.

Картина, которая предстала перед Баженовым, была ни на что не похожа.

Сначала Баженов решил, что в этот танк попала авиабомба и разметала его части. Башня валялась метрах в десяти от гусениц. Автоматчик, приведший его, сказал: «Авиабомб противник не бросал».

Баженов проследил путь танка, осмотрел гусеницы. Нет, мина под ними не взорвалась.

– Может быть, собаку подослали с миной на спине?

Автоматчик утверждал, что это не так.

Баженов внимательно осмотрел куски брони. Не было следов ни бронебойного, ни термитного снарядов. Здесь что-то другое. Но что? Баженов осматривал, срисовывал повреждения, искал осколки снаряда, но ни одного обнаружить не смог. Он нашел обрывки электрического провода, заделан-

ного в стандартную резиновую изоляцию. Он внимательно осмотрел его и даже понюхал, перед тем как отбросить. Это был кусок самого заурядного электрокабеля – такой применяется на сотнях передвижных устройств, начиная от движка кинопередвижки и кончая электродоилкой… Нашел он еще полузасыпанное колесико от тележки или коляски, тоже явно случайного происхождения, – и больше ничего вокруг. Чем же разрушен танк?

Он пошел обследовать второй разбитый танк. Здесь картина была несколько иная. Осмотрев куски брони, Баженов обнаружил огромную дыру. Ее не мог сделать бронебойный снаряд…

Как утверждал автоматчик, в селе они застали не больше трех десятков гитлеровцев. Возле этого танка свалили троих, и один из них еще живой. Его уже допрашивал командир разведки отряда, тот самый, что недавно с разведгруппой ушел в тыл врага. Баженов попросил проводить его к раненому.

Гитлеровец лежал в избе на кровати.

– Безнадежен, – сказала сестра.

Глаза раненого были открыты, но явно ничего не видели; он редко и натужно хватал ртом воздух.

Жить ему осталось совсем мало, поэтому Баженов без лишних слов сразу же спросил, чем они так «классно» подбили советский танк. Раненый не отвечал и все так же судорожно вздыхал. Баженов настойчиво повторял свой вопрос.

Наконец раненый что-то забормотал.

Баженов едва разобрал лишь три слова: «Панцерн» (танк), «Фрау» (госпожа), «Патронен» (патроны).

– Бредит, – сказала сестра.

Поняв, что толку ему не добиться, Баженов вернулся ко второму разбитому танку.

Внимательно его осмотрев, он зашел в хату, где лежали трупы двух гитлеровцев, осмотрел их, и пол, и стены… и ничего примечательного не заметил. Он обошел дом, зашел в огород. Увидел на земле пустые гильзы от немецкого автомата. У плетня, в траве, лежал немецкий противогаз, и еще валялась полая стальная трубка метровой длины, диаметром миллиметров пятидесяти с чем-то. Баженов жадно схватил ее, надеясь, что она поможет разгадать загадку. Но определить, что это такое, ему не удалось. Одно было ясно: это не мина и не снаряд. Внутри трубка была гладкой, словно ее шлифовали поршнем, а снаружи окрашенной в серо-зеленый цвет, но захватанной, неказистой.

Он все еще вертел в руках эту непонятную трубку, когда его нетерпеливо окликнул Андронидзе. Баженов взял было трубку с собой, потом раздумал и швырнул ее в огород: не то!

Подошел к Андронидзе, спорившему с командиром ГПЗ.

– Повтори, командир, сколько ты насчитал «тигров» в лесу! – настойчиво допытывался Андронидзе.

– Я же сказал – около десяти.

– А точнее?

– Десять, – уверенно сказал командир.

Андронидзе с горькой улыбкой долго качал головой, как бы сокрушаясь, что случай такой безнадежный; потом вздохнул и стал терпеливо, как маленькому, втолковывать:

– Перед тобой, дорогой мой, крутится один, всего-навсего один «тигр». – Он поднял указательный палец.

– Не разыгрывайте меня, товарищ капитан! И дело не шуточное, да и я, думается, заслуживаю более серьезного обращения.

– Заслуживаешь, дорогой, заслуживаешь. Потому и объясняю тебе. Я по часам следил за танком, понимаешь? Засекал его манипуляции. Он вылезет, попугает, уйдет в лес, выйдет в другом месте, попугает тебя снова, выйдет в третьем, снова постреляет. Есть там еще один танк. Он стреляет с места, в лесу у дороги, чтобы ты, дорогой, посчитал его батареей. Можешь мне верить: в лесу, дорогой, не пушки, а танк. Разреши, товарищ начальник, – он горячими, вдруг ставшими злыми глазами посмотрел на Баженова, – поохотиться на «тигров»! Дай трех бойцов с противотанковыми ружьями и взвод автоматчиков – и капут этим танкам!

– Зачем вам рисковать, сами справимся! – возразил старший лейтенант, желая как-то искупить свою оплошность. – Моя разведка уже в лесу.

– Твоя разведгруппа, дорогой, ты ж нам сам показал, пошла через лес справа от большака и идет, стало быть, к Мед-

ведовке; а танки – слева. Ты уж лучше договорись, с артиллеристами, пусть накроют танк у дороги и поставят заградогонь, когда буду отходить.

Условились о взаимодействии: красная ракета – прекратить артогонь. Две красные – отхожу, прикрывайте. Зеленая – путь свободен.

13

Группа Андронидзе спустилась к речке. Высокий берег прикрывал людей. В том месте, где деревья близко подходили к воде, бойцы переползли по полю в кустарник, – это были самые тревожные минуты для Баженова: встретит противник первых трех разведчиков огнем или нет?

Лес молчал. Баженов нетерпеливо следил в бинокль за маневрами танка. Кто кого перехитрит? Не может же быть, чтобы возле танка не было никакого прикрытия!..

Баженова мучили сомнения: имел ли он право подменять командира головной походной заставы? Правильно ли он сделал, что разрешил Андронидзе рисковать в деле, с которым справились бы и без него? И почему старший лейтенант так осторожничает? Чем это вызвано?

Время шло. Юрию Баженову казалось, что Андронидзе медлит и что он, Баженов, на его месте действовал бы активнее. Наконец из леса донеслись автоматные очереди. Конечно, Андронидзе ввязался в бой с пехотой. А что, если он погибнет?

В это время танк выдвинулся было в поле, но сразу же повернул обратно. Дивизион начал стрелять по площади, чтобы уничтожить второй танк у дороги.

Клубы светлого дыма поднялись над деревьями, поблизости от большака, уходившего в лес. Там, если верить стар-

шему лейтенанту, находились орудия противника, а если верить Андронидзе – танк бил из засады.

Начал стрелять танк, ушедший в лес.

Вдруг над лесом взметнулся столб дыма, затем донесся глухой взрыв. Дым расстилался над лесом.

– Два танка горят, – определил старший лейтенант.

– Но ведь дым светлый! – возразил Баженов.

Старший лейтенант удивленно поднял брови и напомнил:

– У немецких танков легкое горючее. Вы этого не знали?

Баженов даже закряхтел от досады.

Вскоре на опушке появились солдаты. Старший лейтенант поднес трубку к уху, готовясь вызвать заградительный огонь артиллерии, но над лесом взвилась зеленая ракета.

Баженов по радио вызвал автобус, связался с майором Тарасовым и сообщил ему обстановку. Ответ гласил – выступаем.

…Бойцы катили пушки по бревнам. Лошадей переправляли вплавь. Легкий танк с автоматчиками и саперами на борту перескочил по бревнам и рванулся вперед. Пошла вперед и пехота.

Баженов составлял сводку в штарм. Как оценить обстановку? А нет ли впереди еще танков? Но тогда почему затихла стрельба? Переданное им донесение сообщало, что, уничтожив два «тигра» за Гнилушкой, передовой отряд движется к Днепру. Ему ответили, что противник очищает левый берег.

…Автобус остановился на опушке леса, где их ожидал Андронидзе.

– Начальник! Иди смотри! И ты, Помяловский, тоже иди сюда!

За первыми деревьями на опушке, рядом с дорогой, было вырыто углубление для танка. Высовывалась только башня с орудием и пулемет. Еще три таких же окопа были видны дальше по опушке. Но только в одном из них дымился танк – остальные окопы были пусты.

– Интересно? – спросил Андронидзе и сам ответил: – Очень интересно. Пленный говорит, три танка ушли час назад к Днепру, а эти остались прикрывать. Впереди гонят большое стадо скота, похоже – породистого.

Поехали дальше. Пехоту и артиллерию головной походной заставы автобус нагнал через двадцать минут. Оказалось, танк с автоматчиками и саперами двигался справа, по полевой дороге, чтобы обойти Медведовку – оттуда еще доносилась стрельба – и разведать обстановку.

– Может быть, наши основные части уже опередили меня? – сказал старший лейтенант. Он советовал не вырываться с автобусом вперед, не рисковать, а двигаться вместе. Баженов успокоил его: по последним сведениям штарма, противник быстро откатывается. Надо спешить к Днепру.

И снова радиоавтобус покатил по «ничейной земле». Головная походная застава осталась позади. Легкий танк двигался где-то правее. До Днепра оставалось километров пят-

надцать.

Погода портилась. Тучи сгущались. Рваные, клочкастые, они низко неслись над землей.

Дорога была гладкой и чисто укатанной, поперечных канавок не было заметно, и все же шофер старался не ехать по колее. Из-за леса впереди донеслись выстрелы. Кто-то в кузове забарабанил кулаками в стенку кабины: дескать, стоит ли рисковать?

– Надо, – решил Баженов.

Въехали в лесок. Остановились. Баженов и Андронидзе отстегнули мотоциклы, закрепленные по бортам автобуса, и осторожно, гуськом выехали к деревьям у опушки. За полем виднелось большое село.

– Возьми-ка бинокль, – сказал Андронидзе. – Предпоследняя изба слева. Гражданский с винтовкой. Левей смотри, в огороде.

– Вижу. Полицай?

– Одно из двух. Дам-ка я пару красных ракет, посмотрим, как будет себя вести.

Андронидзе выстрелил. Красная ракета описала дугу над полем. Мужчина в штатском исчез. В селе забегали люди.

– Машут! – крикнул Баженов. – Машут! – и завел свой мотоцикл.

– Кто машет, где?

– Да вон – красным флагом машет! Не видишь?

– Да подожди ты, не горячись!

Но Баженов уже мчался вперед, Андронидзе догонял его и ругался. Баженов держал левой рукой руль, а правой автомат. Но автомат не понадобился: у околицы их ожидала толпа жителей с красным флагом. Их обнимали, им жали руки. Каждый спешил расспросить, высказать свое, наболевшее. Посыпались вопросы: не вернутся ли сюда гитлеровцы? Выкапывать спрятанные в землю вещи? Или, может, обождать? Что слыхать про молодежь, угнанную в Германию?

– Вот он, герой наш, – показывали на седого стройного старика со знаменем. – Сохранил с сорок первого боевое знамя полка, которое ему передал умирающий командир.

Оказывается, сюда тоже приходили поджигатели, но жители достали запрятанное оружие и разделались с ними.

Когда этот стихийный митинг заканчивался, Баженов заметил в толпе двух автоматчиков и подозвал их. Бойцы доложили, что они из разведгруппы, возвращаются с донесением. Разведгруппа уже возле Песчаного. Фрицы почти все переправились на правый берег. На нашем берегу, как утверждают жители левобережья, остались только отдельные танки и небольшие группы гитлеровцев: спешно минируют берег и подходы к Днепру.

– А вы почему задержались здесь? – спросил Андронидзе.

– Так за руки ж тянут, просят победу отпраздновать, неудобно ж отказаться, – оправдывались бойцы.

Посадив разведчиков позади себя на мотоциклы, офицеры вернулись к автобусу. Баженов отправил шифровку о том,

что по сведениям, полученным от местного населения и нашей разведки, немцы эвакуировались с левого берега. Группы боевого охранения минируют берега и подъезды к Днепру. Одиночные танки маневрируют, создавая видимость танковых соединений. Он, Баженов, решил двигаться впереди ГПЗ передового отряда в направлении Песчаное – Тарасовка.

Ответная шифровка гласила: «Высылаю в район Песчаного тридцать автомашин. По дороге они захватят пехоту передового отряда. Срочно собирайте по селам годные лодки, прочие плавсредства. Прежние распоряжения остаются в силе. Проследите, чтобы части на вашем участке Бережаны – Ольховище заняли оборону по берегу Днепра, готовились ночью форсировать. Выезжает Бутейко».

Баженов передал данные разведки и распоряжение майору Тарасову, который ответил, что уже получил по радио приказ от комдива.

Вторая шифровка Баженова была предназначена Сысоеву. В ней вкратце говорилось о применении противником новых, еще не распознанных Баженовым противотанковых средств, о танковых окопах, об оперативной маскировке одним-двумя танками. Заканчивалась она дипломатично, как полагал Баженов: «Сысоеву – пока не обнаружил».

14

Приказав Помяловскому двигаться в автобусе с головной походной заставой и ждать их в Тарасовке, Баженов и Андронидзе устремились на мотоциклах вперед.

Андронидзе настоял ехать первым: глупо рисковать двоим, а у него опыта больше. Баженов ехал «след в след».

Тучи совсем закрыли небо. Можно было не опасаться самолетов противника. Но и своей авиации нелетная погода мешала бомбить и наблюдать.

Поля – рощи, поля – рощи…

В Песчаном, в пяти километрах от Днепра Баженов и Андронидзе расстались, чтобы здесь же встретиться через три часа.

Андронидзе поехал по дороге вправо к селам Лозняки, Бережаны, Окуньки, Запань, чтобы там организовать сбор лодок, а Юрий Баженов с той же целью поехал в сторону Криниц, Тарасовки, Ольховища.

Солнце спускалось к горизонту. Баженов ехал лесом. Дорога была уже не твердая, глинистая, а песчаная, рыхлая – словом, трудная дорога. Чувствовалась близость реки. Стали попадаться колдобины с водой: видимо, остатки весеннего разлива…

Село открылось сразу. Целое. Несгоревшее. Баженов подъехал к группе людей, махавших ему руками и что-то

кричавших.

– Гитлеровцы где? – спросил он, выключив зажигание.

– Минут двадцать, как последние отплыли.

Баженов сразу же начал расспрашивать стариков о лодках. Лодок по приднепровским селам всегда было много. В годы оккупации гитлеровцы мало интересовались ими. Они наводили понтонные мосты. Перед самым отступлением немцы вдруг стали уничтожать лодки, попадавшиеся им на глаза. Тогда их попрятали, кто как мог. Сейчас в этом селе припрятано шестнадцать вполне исправных лодок. В соседнем селе найдется, пожалуй, лодок двадцать пять, в следующем, большом, должно быть не меньше полусотни.

Баженов попросил послать верных людей по деревням и точнее разузнать, где есть лодки, сколько их и к кому за ними обратиться.

– А шо лодки – этого мало! – седенький дед усмехнулся. – Надо б ишо надувные лодки, або понтоны. Плоты надо вязать!

– Все будет, дидусь, – заверил его Баженов. – Но нам сейчас надо догнать немца по горячему следу, лодки нужны позарез и немедленно!

Дидусь вызвался сей же час послать людей по селам. Баженов решил подождать, пока посланные вернутся. Он оглядел толпу, окружавшую его.

И кого только здесь не было: старики и дети, молодицы и старухи. Заметил Баженов и немало мужчин призывного

возраста; поинтересовался – кто такие, что делают здесь.

Отвечали охотно, наперебой: одни вышли из окружения и сразу домой. Других отпустили из колонны военнопленных как местных: гитлеровцы заигрывали с украинцами. Но все вернувшиеся хотят немедленно вернуться в строй, идти воевать, да не знают, к кому обратиться. Может, товарищ командир возьмет их в свою часть?

Вопросы так и сыпались. Каждый хотел, чтобы именно его услышали, именно ему ответили. Эти бывшие военные спрашивали, установлены ли случаи предательства в сорок первом году со стороны командиров Красной армии.

– Почему в начале войны не было видно нашей авиации?

– В чем причина первых поражений?

– Почему воевали не малой, а большой кровью? И не на чужой, а на своей территории?

15

Юрий Баженов понял, что в глазах этих жителей он не просто офицер, случайно посетивший село, а представитель Советской армии, полпред Советской власти. Встреча, как и в Медведовке, превратилась в импровизированный митинг, и Баженов чувствовал, что не имеет права препятствовать этому. Он поднял руку.

– Слухайте, слухайте, – прокатилось по толпе.

– Первое, о чем меня спросили, – вернутся ли сюда гитлеровцы. Отвечаю – нет, не вернутся. Многие из вас думают: – брешет офицер, еще в сорок первом слышали немало таких заверений. Но сейчас уже не сорок первый, и соотношение сил уже иное. У нас на счету Сталинград, Курск, Орел… Конечно, на отдельных участках контратаки противника еще могут иметь временный успех. Но сейчас перед нами великий Днепр. Не смогут немцы больше вернуться на этот берег, не пустим! Бомбить, обстреливать левобережье они, вероятно, будут очень сильно. Поэтому вам временно лучше б отойти километров на пятнадцать в тыл. Зачем зря рисковать под снарядами!

– Правильно!

– Верно!

– От спасибо вам!

– Будете тут стоять до весны?

– Нет! Ни часу стоять не будем. Не дадим гитлеровцам оправиться! Жали и будем жать, без остановок, до самого фашистского логова.

– До границы?

– До границы и за границу, и до Берлина, и куда нам еще прикажут. Нам выпала великая задача: не только уничтожить гитлеровскую военную машину, но и освободить порабощенные фашистами народы. Чтоб и дух фашистский не смердел на земле! Чтобы нам, советскому народу, и всем народам мира никогда больше фашизм не мог угрожать войной!

Он замолчал, переводя дух, и сразу снова дождем посыпались вопросы:

– Как теперь будет с колхозами, с землей?

– А правда, что всех, кто был под Гитлером, будут выселять в Сибирь?

– Верно ли, что священники в церквах призывают воевать с фашистами?

– А для чего в Советской армии ввели погоны?

– Говорят, Гитлер изобрел какое-то страшное новое оружие. Не слышали, не применяет он его?

– Болтают, вроде американцы и англичане заключили тайное соглашение с Гитлером. Так, что, выходит, второго фронта не будет?

– Скажите, как вы думаете: можно ли уже выкапывать вещи, зарытые в землю?

Баженов снова поднял руку, призывая к спокойствию, и предупредил, что будет отвечать очень кратко – времени не оставалось. Вот уж никогда Юрий Баженов не предполагал, что придется ему выступать с политическим докладом. Если б знал – подготовился бы!..

Он коротко и дельно ответил на вопросы, которые были ему ясны и имели насущное, неотложное значение. Он честно признал, что на ряд вопросов не знает ответа, что они и его тревожат, но что к ним можно и должно будет вернуться после победы, когда настанет мир. Он не постеснялся сказать «не знаю» на вопрос – когда будут выборы сельсовета, и будет ли сейчас обложение и какое.

…Метрах в пятистах правее разорвался тяжелый снаряд. И пошло…

– Артналет! – определил Баженов. – Уважаемые громадяне, сейчас же расходитесь! И мой вам совет: берите вещички и отправляйтесь в тыл, а как только освободим тот берег – вернетесь.

– Та мы не боимся!

– Вы не боитесь за себя, но я боюсь за вас. Все! Поздравляю вас с освобождением от гитлеровцев!

– Ура-а-а-а! – пронеслось над толпой, и в этот момент вернулся один из посланных стариком за лодками.

Он доложил, что обнаружено семнадцать лодок, только перевозить их опасно: на дороге мины.

– Товарищи, кто из вас саперы – ко мне! От толпы отде-

лилось человек двадцать бывших бойцов.

Вот когда пригодилось Баженову знание немецких противотанковых и противопехотных мин! Очень помогали старики и старухи, видавшие, где отступавшие гитлеровцы ставили мины. На утрамбованной песчаной дороге были еще хорошо заметны эти места.

Работа была окончена довольно быстро.

Баженов уже собрался двигаться дальше, как к нему подошла плачущая женщина, ведшая за руку перепуганного, подростка лет четырнадцати. Рука его была в крови, указательный палец оторван, а средний тоже перебит – он держался лишь на кожице. Баженов не был врачом, но так велика была вера этой женщины в то, что советский офицер все может, что он решил рискнуть: попросил ножницы, йод, вынул свой индивидуальный пакет.

– Ой, не надо! – крикнул подросток.

– Отвернись, – приказал Баженов мальчику и быстро перерезал ножницами кожу. Потом он залил йодом и забинтовал руку.

– Где это тебя так угораздило?

– Ой лишечко ж мое, та у этих чертенят где-то склад боеприпасов!

Баженов обещал матери «урезонить» ребят, отвел подростка в сторону, и тотчас же их окружили мальчишки. Наперебой они принялись хвастать своими трофеями: у них есть и мины, и гранаты! Левка, зараза, ковырял взрыватель,

ну и ахнуло. В другой раз не полезет. Есть у них и два пулемета зарытых, и винтовки. Спрятано все еще с сорок первого года, когда наши отступали. Разумеется, они все это готовы хоть сейчас отдать советскому командиру, – пошли! Тут недалече, в песке. И никто не знает!

Баженов поблагодарил, объяснил, что сейчас не может, попросил ничего не трогать, даже не ходить туда, чтоб никто и не догадался, ладно? А немецкое оружие у них есть? Немецкого не было.

16

В ожидании сведений о наличных лодках Баженов охотно отвечал ребятам, жадно расспрашивавшим его о делах «там, у наших». А потом и сам стал расспрашивать об их житье-бытье и узнал занятную историю о немецком шоколаде…

С неделю тому назад немцы стали грузиться. Какой-то ящик упал в воду, солдаты загалдели, но подошел офицер, махнул рукой – не до того, видать, было: спешили. В галдеже ребята разобрали слово «шоколаде». Напросились нырнуть и достать ящик. Им разрешили. В ледяную воду полезли Гнат и Хома. От холода сводило руки и ноги, а все же ящик они достали. Фриц открыл его, отобрал и побросал им совсем уже размокшие плитки, а остальное снова заколотил. Пожалел, гад!

В селе в те дни были только дети да старухи, остальные в лесу прятались. В хатах немцы ночевали, до последнего дня: одни уйдут – другие придут. А вчера на рассвете жителей полицаи повыгоняли, сказали, село будут жечь. Ну, они, хлопцы, подались в лес, до своих: так мол и так, рятуйте хаты свои… Отстояли село.

А Гнат и Хомка решили все же разжиться немецким шоколадом: на берегу лихорадочно завершалась погрузка, и ящиков всяких полно было. Незаметно вползли они в при-

брежные кусты, облюбовали было два ящика. Но тут на мотоцикле подъехали фрицы, стали грузить эти ящики в коляску. С одного из них крышка свалилась, – спешили, не закрепили. Только никакого шоколада в том ящике не было. Обманул чертов фриц! Если б могли только, они бы уж надавали этому фрицу теми самыми железными палками по заду!..

– Какими палками?

– Ну теми, что в ящике лежали.

– А какие они из себя: вот такой длины, вот такой толщины? – спросил Баженов.

– Во-во! – подтвердили ребята.

– А рядом еще – вроде детских железных голов, – припомнил Гнат.

– Не головы, а кастрюли, – поправил Хомка.

– У тебя у самого – кастрюля.

Вдруг мальчишек как ветром сдуло. По обочине лесной дороги шли в маскировочных костюмах наши автоматчики, и ребята с гиканьем помчались им навстречу.

Баженов еще был погружен в глубокое раздумье над рассказом ребят (он сразу же вспомнил трубку, найденную и брошенную им утром), как перед ним вырос старший лейтенант – командир ГПЗ, вслед за разведчиками вошедший в деревню с ротой бойцов, с пулеметами, минометами, пушками. Он сообщил, что комдив Бутейко уже прибыл. Батальон ГПЗ занимает этот участок – он показал на карте.

За лодками прибыли грузовые машины – на них-то и при-

ехали бойцы, саперы, пулеметчики и автоматчики. Противотанковые пушки везли на прицепе. Машины остались ждать в лесу восточнее Песчаного. Там же и радиоавтобус.

Баженов вскочил на мотоцикл и помчался в Песчаное. Он старался вести мотоцикл по своему старому следу. Не успел он отъехать и двухсот метров, как сзади, по берегу, начали ложиться немецкие снаряды. Видимо, наших бойцов на берегу заметили…

Баженов руководил погрузкой лодок на машины. Потом поехал с машинами в село. Двигались медленно. Впереди шли саперы. Это задерживало. Стемнело. Немцы методически обстреливали левый берег и освещали ракетами Днепр. Возле Тарасовки одна машина подорвалась на мине, шальной снаряд с того берега подбил еще одну. К двадцати трем часам Баженов послал машины за лодками в дальнее село, а сам решил вернуться к радиоавтобусу, послать донесение штарму.

И надо же было случиться, что мотоцикл отказал. Что только ни делал Баженов: прочищал жиклеры, обжигал свечи, проверял искру – заводиться мотоцикл не желал, хоть бросай его и иди пешком!..

Потащил Баженов тяжелую машину по песку. Тащил ее сто метров, и двести, и пятьсот, и тысячу, и потом, выбившись из сил, пробовал завести, проклиная все на свете и ленд-лизовского «харлей-дэвидсона», и снова тащил его километра два. А когда совсем уж отчаялся, мотоцикл завелся.

Легко и как ни в чем не бывало, словно издевался…

У радиоавтобуса Баженова ждали новые неприятности: майор Андронидзе не вернулся, шифровку-донесение не передали. Уж как ни старались радисты, а связаться не смогли.

Баженов нервничал. Подумать только: не передать такое важное сообщение! А как дальше поступать с лодками?..

За день все устали. В кабине похрапывали Помяловский и шофер. В кузове на шинели спал Авекелян, тут же рядом дремал его автоматчик. Пулеметчик расположился возле автобуса. Рядом прогуливался дежурный автоматчик.

Совсем стемнело. Радиосвязи все не было. Со стороны Днепра шел легкий сизый туман.

17

Снаружи донесся шум подъехавшей машины. Часовой вызвал лейтенанта Баженова.

Не из штаба ли армии, обрадовался Баженов и выскочил из освещенного автобуса в темноту.

– Полковник Бутейко – слышали о таком? – спросил незнакомец, протягивая руку.

– Здравствуйте. Очень рад… Никак не могу связаться со штармом. Можно рассчитывать на ваш «виллис», чтобы доложить о лодках?

– Как раз об этом я и хочу поговорить. «Студебеккеры» с лодками стоят в Тарасовке. Я должен с ходу, нынче же ночью, форсировать Днепр. Без вашего распоряжения лодок не дают. Дайте команду!

– Без начальника штаба я не имею права решать, куда и кому отправлять эти лодки. Он приказал собрать и хранить их до особого распоряжения, а связи нет.

– Сколько вам еще надо времени, чтобы связаться со штармом?

– Не знаю. И радисты не знают: рация в порядке, а связи нет!

– Хочу, чтобы вы поняли: у меня из-за отсутствия лодок сорвется успех операции. Ведь лодки-то эти вы собрали на участке моей дивизии, и я на них рассчитывал! Для успеха

операции я решил одновременно форсировать Днепр против Ровеньковских высот и еще на двух участках. Не скрою, у меня есть надувные лодки А-3 и комплекты труднозатопляемого имущества, но ведь этого для переправы тяжелого снаряжения недостаточно! Словом, без ваших лодок мне не обойтись. Среди них есть и «дубы», то есть речные баркасы. Судьба операции в ваших руках. Решайте! – он замолчал.

С Днепра доносились орудийные выстрелы.

Низкие сплошные облака то светлели, то темнели. Туман понемногу сгущался.

– Легко сказать – решайте. Я ведь сам жду решения и приказа.

– А если не получите до утра? Получить приказ при отсутствии радиосвязи совершенно невозможно. Я вам приказывать не могу. Вы мое начальство.

Баженов усмехнулся:

– Какое уж я, лейтенант, начальство.

– Вы представитель штарма. Решайте! Время не ждет.

Полоска света прорывалась в неплотно закрытую дверь автобуса, освещая рослого широкоплечего молодого полковника с узким лицом, изогнутым носом и светлыми озорными глазами северянина. Он производил впечатление решительного, волевого и знающего командира.

Конечно, он был прав в том отношении, что захват именно Ровеньковских высот командующих над местностью, принес бы успех; но ведь эта «высота» была очень крепким орешком

ком. А вдруг командующий решил форсировать Днепр против города «Ключевой», а Баженов без приказа отдаст лодки? Ох, как не хватало Андронидзе, чтобы посоветоваться!

– Не был ли у вас Андронидзе?

– Виделись! Помогает организовать разведку, отправляющуюся на тот берег. Просил предупредить вас, что хочет уточнить группировку противника.

– А сколько он лодок собрал?

– Сорок три. Все пущены в дело.

– У меня должно быть около ста пятидесяти, но в Песчаное пока привезли сто десять… Так куда их направить?

– Вот это деловой разговор! В случае чего я подтвержу, что вы дали приказ доставить лодки к Днепру под моим нажимом и при полном отсутствии связи со штабом армии. Мои проводники уже ждут у машин с лодками. Оставьте за себя офицера и поедем. Мой штаб размещается в Бережаны. – По военному обычаю комдив не склонял названий населенных пунктов.

Баженов оставил Помяловского «за себя», приказал радистам «разбиться в доску», но связаться со штармом и передать донесение, которое переписал заново. Лодки, говорилось там в частности, переданы в распоряжение Бутейко, но, если понадобится, они будут отобраны и переправлены согласно приказу.

Когда удастся передать и получить ответ, пусть двигаются по дороге Песчаное – Бережаны. Там он будет их ждать в

штабе дивизии.

18

Бутейко гнал машину при полном свете фар. На поворотах ее заносило, и тогда сидевшие сзади адъютант и автоматчик наваливались на борт, чтобы «виллис» не опрокинулся.

– Замечательный туман! А облачность! Как по заказу! Фрицы развесили фонари над Днепром, но вы лично убедитесь в ничтожно малой эффективности осветительных ракет при низкой облачности.

Баженову позарез хотелось с первыми же лодками переправиться на тот берег. Было и резонное оправдание: изучал-де опыт форсирования на практике…

Когда грузовые машины с лодками двинулись из Песчаного и Баженов подошел к «виллису» Бутейко, чтобы ехать с ним дальше, тот сказал:

– Только что получил радостную весть. Наши разведчики без потерь, без выстрела, переправились на правый берег в районе Кресты, у Ровеньковских высот, захватили пленных, и так как – вы сами понимаете! – оставлять захваченный пятачок было бы непростительной ошибкой… В общем, Андронидзе ведет бой за пятачок…

– Андронидзе?

– Да, Андронидзе. Боевой офицер! На этот пятачок уже переправилось около двух рот при шести станковых пулеметах, минометной батарее, двух противотанковых орудиях и

взвод саперов с минами. Наращиваем усилия. Начинаю форсировать еще в двух местах. Поэтому прошу: как только сюда прибудут машины с лодками, дайте приказание старшине – пусть машины следуют с моими проводниками. Прошу сейчас же направить один «студебеккер» с моим донесением в штаб корпуса, с той же машиной вы отправите и свое донесение в штарм. Я их прошу помочь мне артиллерией АДД[7] и РГК[8]. Прошу направить мне два понтонных парка, чтобы переправить танки и орудия. Может, вам все же удастся передать по радио? С этим же «студебеккером» доедете до своего автобуса.

– Сделаю все возможное. Поздравляю! Пишите донесение.

– Чтоб скорее, передаю вам донесение, заготовленное для Штаба корпуса. Только допишу. Володя!

Адъютант привычно подставил свой планшет вместо столика и присветил электрическим фонариком.

– Поразительно! – воскликнул Баженов, не в силах сдержать радость: – Без артподготовки без потерь высадиться на тот берег! Нет, вы только послушайте, какой концерт сейчас устроили немцы по всему Днепру. Вот жарят!

Комдив писал и одновременно говорил:

– Молодцы ребятки. Да и погода маскирует: низкая сплошная облачность – авиацию противник применить не

---

[7] АДД – артиллерия дальнего действия.

[8] РГК – резерв Главного командования.

может. Туман – танков пустить не может. Артиллерийские НП – как слепые. Все не по уставу! Даю голову на отсечение: среди множества вариантов действий и контрдействий в их оборонительном плане низкая облачность, полный туман – не предусмотрены. А они превеликие мастера исписывать десятки метров бумаги «вариантами». И составляют такие планы хорошо, и действуют, вроде бы, организованно… но вот вы сами видите и слышите. Какая ночь!

– Уж ты ноченька, ночка темная, – почти запел Баженов.

– Вот именно! Ну вот. Берите донесение.

– Хорошо бы достать детальный план обороны гитлеровского полка или хотя бы батальона…

– Передам Андронидзе.

– И еще передайте, прошу вас, что я буду ждать его.

– Не уверен, надо ли вам ожидать его. И стоит ли сейчас сообщать о нем в штарм…

– Боитесь, что его отзовут, а он вам нужен?

– И это тоже. Ведь он не имел приказа участвовать в форсировании. Победителей не судят, но не все им спускают.

С боевыми донесениями на «студебеккере» Баженов отправил Помяловского: радиосвязь наладилась только на рассвете. Баженов передал очередное донесение. Ответ начштаба предписывал вернуть освободившиеся машины и срочно возвращаться самому на радиоавтобусе. Баженов запросил, ждать ли ему Андронидзе, задержавшегося у Бутейко. Ответ гласил – Андронидзе не ждать.

В автобусе Баженов попытался уснуть. Но то ли потому, что машину сильно трясло, то ли из-за перенесенного волнения, но заснуть не удавалось. Утро было хмурое, туманное. Моросил дождь. Тучи задевали верхушки деревьев.

А с Днепра доносился шум, будто в сотнях кузниц ковали, били кувалдами, молотками и молоточками.

Частенько приходилось съезжать на обочину и пропускать встречные машины. Шла тяжелая артиллерия. Шли машины со снарядами. А пока ждали, когда проедут катюши, Баженов уснул. Шофер его разбудил, когда радиоавтобус остановился у хаты, где помещался оперативный дежурный.

19

Дежурный передал Баженову приказ – тотчас же явиться к подполковнику Синичкину.

– Проводная связь с Бутейко уже установлена, – сказал он. – На пятачке идут ожесточенные бои. Командующий, начштаба и начальник оперотдела уехали в штаб корпуса и к Бутейко. Подполковник Синичкин заменяет их обоих.

Когда вестовой ввел Баженова к Синичкину, тот говорил по телефону. Баженов ждал. Подполковник положил трубку, сердито посмотрел на Баженова.

– Как стоите? – крикнул он резко. – Выйдите, приведите себя в порядок и явитесь как положено!

Баженов повернулся через левое плечо, чеканя шаг, вышел, застегнул верхнюю пуговицу гимнастерки, подтянул потуже ремень с пистолетом. Бледный от злости, постучал, приоткрыл дверь и спросил разрешения войти. Получив таковое, вошел и отрапортовал:

– Лейтенант Баженов по вашему приказанию явился!

– Почему ремень не подтянут? Баженов затянулся еще сильнее.

– Почему кобура на левой стороне, а не на месте, как положено?

Баженов передвинул кобуру. Когда кобура слева, вынимать пистолет и быстрее, и намного ловчее. На сей счет гит-

леровцы не такие уж дураки.

– Отставить разговорчики!

Оказывается, от злости он думал вслух. Плохо! Меж тем Синичкин не унимался:

– Объясните, товарищ лейтенант, почему вы нарушили мое приказание и не передали мне ни одного донесения.

Вот оно что, догадался наконец Баженов и объяснил, что клером он не имел права передавать, а у его связистов был код только для связи со штабом армии. Можно было передать шифром, но шифровальщика у товарища подполковника ведь не было.

Подполковник сердился, называл объяснения Баженова неудовлетворительными – лейтенант не сообщил даже, что вышел на берег Днепра!

Подполковник не стал слушать объяснений Баженова и кратким «Можете быть свободны!» завершил аудиенцию.

Баженов облегченно вздохнул и направился к хате, где размещались «опытники».

Он шел, подбирая слова, чтобы тактичнее сообщить Сысоеву о вероятной гибели его семьи. В хате сидел майор Корнилов и что-то писал. Сысоева не было: утром уехал с командующим. Баженов обрадовался отсрочке неприятного разговора и, перекусив, завалился спать. Когда его в обед разбудили, Сысоева все еще не было.

20

После обеда Баженова вызвали к оперативному дежурному. Баженов захватил с собой автомат, бинокль и планшетку с картой.

В дежурке собралось около двадцати офицеров, среди них и знакомые по офицерскому резерву: подполковники Овсюгов и Казюрин, капитан Чернявский и другие. Было накурено, все громко разговаривали, смеялись. Дежурный, плечом прижимая трубку к уху и что-то записывая, то и дело кричал им:

– Тише! Ничего же не слышно!

Вошли Андронидзе, Помяловский, Авекелян.

– Здравствуй, дорогой! – Андронидзе приветственно помахал рукой знакомым и присел рядом с Баженовым.

Дверь отворилась – появился Сысоев. Он выглядел усталым, резче обозначились морщины на осунувшемся аскетическом лице. Баженов поднялся ему навстречу.

– Ну как? – спросил Сысоев.

– Вы не получили радиограмму? Не нашел…

– Радиограмму получил. Удалось ли уточнить?

– Село сгорело. Свирепствовали гитлеровцы: создавали зону пустыни. А дальше к Днепру села уцелели. Ведь надо же!.. Сами колхозники их отстояли… Выступили против поджигателей… Гитлеровцы даже коров расстрелива-

ли… Звери! – В глазах Сысоева он прочел осуждение своему многословию и торопливо, закончил: – Местные жители говорили – видели ваших незадолго до пожара… А некоторым удалось ведь укрыться в лесу… только теперь возвращаются. Так что надо надеяться…

– Я там был, – перебил его Сысоев. – Проезжал с командующим, узнавал. Мало надежды. Вот так!

– Товарищи офицеры! – скомандовал оперативный дежурный, и все вскочили. Вошли начштаба полковник Коломиец, замначштаба по политчасти полковник Ивашенцев, подполковник Синичкин и начальник отдела кадров с майором, несшим толстый портфель.

Дежурный отрапортовал, что офицеры собраны, построил их в две шеренги.

– Вольно! – начальник штаба шагнул вперед и, бегло осмотрев офицеров, начал:

– Наши войска вышли к Днепру. В двух местах, на участке дивизии Бутейко, мы форсировали Днепр, закрепились на правом берегу и ведем упорный бой с контратакующим противником. За активное участие в оперативной передислокации армии, в боях при прорыве укрепленной полосы и при выходе на Днепр мы решили наградить отличившихся медалями «За боевую доблесть», «За отвагу». Знаю: некоторые заслуживают большего. Но штабных офицеров награждают скромнее. У каждого из вас есть возможность отличиться в будущем и заслужить ордена.

…Были награждены Сысоев, Степцов, Чернявский, Андронидзе, Авекелян, Помяловский.

Овсюгов и некоторые другие награждены не были. Лейтенант Баженов, в частности, награжден не был.

Он и огорчился, и обрадовался: «Хорошо еще, что не схватил выговор за задержку ночного радиодонесения».

Впрочем, лодки попали по назначению, и отсутствие радиосвязи, слава богу, не имело роковых последствий.

Когда начальство ушло, Сысоев подошел к Баженову и строго спросил, почему его не наградили. Пришлось рассказать о вызове к Синичкину, об отказавшей рации.

– Связисты утверждают, что временами ночью связь на коротких волнах нарушается, – закончил он.

Сысоев покачал головой и пошел к подполковнику Синичкину.

Вернулся он раздраженный.

– Невыполнение приказания вышестоящего командира – нарушение. Недонесение в срок – тоже нарушение.

– Все правильно!

– Дело не в этом. Медаль-то ты все же заслужил! Сдается мне, подполковник Синичкин решил, что ты хотел его подсадить и поэтому не сообщил о продвижении войск. У нас, как и во всяком учреждении, довольно сложные взаимоотношения…

21

После совещания, чтобы не идти домой в тягостном молчании, Баженов начал рассказывать о поездке.

Сысоев знал о новом методе минирования: на других фронтах немцы уже применяли его, но подробности неизвестны. А на нашем фронте это первый случай. Сколько часов на описание «многоэтажной» мины с толстой чекой дал он Помяловскому? Даже не поручил?! Ошибка. Нельзя самому браться за все. Танковые окопы и маневрирование танками – тоже интересно! Пусть Помяловский опишет устройство танковых окопов, а Баженов – систему маневрирования. А вот что ночью нарушается радиосвязь на коротких волнах, это уже не первый случай. Поначалу объясняли неопытностью радистов, но это явление наблюдается и у опытных. Он, Сысоев, уже сообщал об этом.

Особенно заинтересовал Сысоева рассказ о наших танках, подбитых неизвестным оружием. В хате он внимательно просмотрел зарисовки, дотошно расспрашивал, не обнаружил ли Баженов воронок, не заметил ли следов взорвавшейся мины. Как и Баженов, он пробовал догадаться, почему раненый немец бредил о «Фрау» и о патронах? Может, он командовал «Фойер!» (огонь), а не «Фрау»?

Он внимательно прислушался к рассказу о стальной трубке и обрывке электрического кабеля.

– Даже если б они при исследовании специалистами оказались деталями давно известноного оружия или даже бытового агрегата, все равно их надо было взять с собой, – сказал он наставительно. – Таков порядок. Ведь сам же подметил – трубка окрашена в зеленый цвет. Это цвет военной маскировки, он должен был тебя насторожить!

Баженов слушал, шагая по комнате; подошел к окну, понюхал красную цветущую герань.

– Нюхай, запоминай запах, – бросил Сысоев. – Тоже этакая «мелочь»…

– Запоминать?

– Пономарев из химотдела велел. Носит герань по всем отделам и настоятельно просит всех нюхать.

– Зачем?

– А затем, что, если почувствуешь где-либо запах герани, сейчас же надевай противогаз и объявляй химтревогу. А сейчас садись к столу и подробно опиши все, что как-то может быть связано с гибелью этих танков.

Сысоев позвонил в бронетанковый отдел – знают ли там о загадочной гибели двух танков у Гнилушки? Знают. А причины? Нет, не похоже на мины. Ну и неправильное у вас донесение. Мы тоже не знаем. Пока не знаем.

22

Смеркалось. Вдали затарахтел движок штабной электростанции, и над столом вспыхнула лампочка. Сысоев опустил на окно плащ-палатку.

Когда работа приближалась к концу, от оперативного дежурного явился вестовой с приказанием лейтенанту Баженову срочно явиться к шестому, то есть к члену Военного совета армии генералу Соболеву.

– Расскажите-ка, что это вы там натворили? – голос Сысоева выдавал сдерживаемую тревогу.

– «Расскажите вы ей, цветы мои…» – начал напевать Баженов, стремясь скрыть и свое беспокойство за показной шутливостью.

– Отставить, лейтенант! Член Военного совета без чрезвычайных причин не будет вызывать к себе лейтенанта. Ведь существуют и политотдел, и политуправление… Вид неряшливый! Какого черта у вас все время отвисает кобура!

– «Парабеллум» тяжелый.

– Добудьте портупею. Подтяните ремень потуже. Поправьте пилотку. Чуть вправо. И голову держите выше. Ваша так называемая выправка… Смотреть противно. Одно слово – скоростной выпуск… Наденьте шинель: может, пошлет с кем-нибудь из офицеров «сверху» на передовую.

Баженов быстро вбежал на крыльцо большого дома, в ко-

тором помещался генерал Соболев. Дорогу ему преградил рослый автоматчик.

Баженов попросил вызвать адъютанта. Автоматчик позвал второго автоматчика, и тот, выслушав лейтенанта, пригласил его зайти в коридор и подождать.

Баженов вошел и откозырял. Сухощавый полковник-юрист с толстым портфелем на коленях холодно посмотрел на него, на приветствие не ответил и продолжал сидеть, как нахохлившийся ястреб.

Полный, круглолицый подполковник интендантской службы кивнул и, шевеля губами, продолжал поспешно листать блокнот с записями.

Полковник медицинской службы, надевший фуражку на поднятое колено, заговорщически подмигнул Баженову и кивнул на стул рядом.

Баженов старался не сидеть как «скоростной выпускник» и, внутренне усмехаясь, подумал, что, как ни старайся, а в глазах этих полковников он, лейтенант, – все равно первоклассник. Военврач держался очень непринужденно. Тут же он стал рассказывать Юрию забавные эпизоды из медицинской практики и расспрашивать – где лейтенант служит, откуда родом, женат ли, есть ли дети, какая профессия у него была «на гражданке». А узнав, что Баженов до войны занимался журналистикой, сразу же перекочевал на литературные темы. Он горячо приглашал Баженова в свой госпиталь, где обещал ему «поразительный материал для сотни рома-

нов» и где «что ни врач – то художественный образ».

Сам полковник медицинской службы родом из Одессы, сейчас он начальник госпиталя одиннадцать-двадцать шесть. Если лейтенанту случится попасть к нему (но лучше, впрочем, если этого не случится) – он сделает все возможное и даже больше. Зовут его Матвей Иосифович Равич. Баженову очень понравилось, что полковник не «задается», а главное, что он, видимо, добрый, веселый и благожелательный человек. Юрию показалось, что они с ним – «люди без встречной неприязни», как гласит китайское определение.

За дверью, откуда доносился густой раздраженный баритон, уже побывал военюрист, заходил и интендант и выскочил оттуда красным и потным. После военврача была очередь Баженова, но со двора вошел еще один полковник. Еще с крыльца прозвучало его требовательное «У себя?»; ответа автоматчика он не дослушал, на ходу скользнул взглядом по Баженову, будто не видя его, как по неодушевленному предмету, и взялся уж было за ручку двери. Но тут Баженов, рассердившись, решительно перехватил ручку, резко (и бессознательно в тон полковнику) бросив: «Из оперотдела, по срочному вызову!», прошел в кабинет.

23

За письменным столом сидел седеющий генерал.

– По вашему вызову лейтенант Баженов явился!

Захлопнув папку, генерал внимательно взглянул на него, сказал «подойдите» и вдруг спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.